

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Причудница: Русская стихотворная сказка. Михаил Юрьевич Лермонтов, Пётр Павлович Ершов, Александр Сергеевич Пушкин, Иван Иванович Дмитриев, Василий Андреевич Жуковский

Сказка – ложь, да в ней намек...

Читать чужие письма как бы и нехорошо, но занятно, а иногда и полезно, если авторы этих писем – классики, писавшие о всяком повседневном и мелком в расчете на вечность.

Например, из письма А.С. Пушкина к брату можно узнать, что в Михайловском от безделья мерился он с пятнадцатилетней девушкой, выясняя, у кого талия тоньше. Да и то результаты оказались равными. Странное, вроде бы, времяпрепровождение, но чего не сделаешь, спасаясь от деревенской скуки?

Жизнь размеренна и нетороплива: «...до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда ездю верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

Предусмотрительность молодого человека двадцати пяти годов удивляет. Уже тогда наметил он материал, достойный быть переложенным в стихи, хотя взялся за это не через год и не через два. Зато и материала, почерпнутого из рассказов няни Арины Родионовны, было столько, что хватило и самому поэту, и добрым его приятелям, менее запасливым или менее счастливым на встречи с носителями фольклорных традиций.

Так, сюжетом, заимствованным все из тех же нянюшкиных рассказов, пришлось поделиться с В.А. Жуковским, несмотря на старания – перебирал сказки французские, штудировал немецкие – нуждавшегося в новых сюжетах для сказок в стихах: «Дмитриев, думая критиковать Жуковского, дал ему прездравый совет. Жуковский, говорил он, в своей деревне заставлял старух себе ноги гладить и рассказывать сказки и потом перекладывает их в стихи».

Однако ж сказки крепостных старух из деревни старшего собрата по литературе со сказками Арины Родионовны не сравнишь, пусть и тут не без странностей.

Поражает глубокая, можно сказать, изощренная литературность слышанных от няни сказок. Создается впечатление, что вострая на ум и выдумку Арина Родионовна прочитала объемистый фолиант со сказками каких-нибудь братьев Гримм, или изящный томик сказок Шарля Перро, а потом обстоятельно пересказала взятое из первоисточника, расцветив повествования от себя, а кое-что и приукрасив, согласно собственному пониманию такой эстетической категории, как прекрасное.

Прибавлено было, согласимся, то, что полностью отсутствовало и у французов, и у немцев. Для пушкинских сказок характерны двусмысленности, намеки, а то и прямая скабрёзность. Если уж царь желает, чтобы ему родили богатыря-сына, то и устанавливает конкретный срок – к исходу сентября. Если уж мудрец и звездочет требует себе шамаханскую царицу, то будет тут же подчеркнута – требование это абсурдное, поскольку звездочет скопец.

И даже в неоконченной сказке, где, вроде бы, скабрёзностям и места нет, медведица говорит своим малым детушкам:

Становитесь, хоронитесь за меня,
Уж как я вас мужику не выдам
И сама мужику... выем.

Традиция, связанная со сказкой в стихах, заложенная А.С. Пушкиным, как и прочие заложенные им традиции, прижилась. И теперь об этом жанре, известном и ранее, судят по «Сказке о попе и о работнике его Балде», а то и по сказке «Царь Никита и сорок его дочерей». Традиция эта оказалась сильнее традиций сказки в стихах А.Ф. Богдановича, И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина.

Перечитайте П.П. Ершова и увидите: не вполне скрытые намеки, опасная игра смыслами присутствуют и здесь. И дело не в том, что роль изворотливого и разворотливого менеджера, которая в сказке иностранного происхождения отдана коту, здесь выполняет конек-горбунок, чрезвычайно похожий на русского зайца.

Дело в намеках, перифразах. Старый царь ныряет в кипящее молоко и тут-то ему и приходит конец. Ибо он, старый козел, позабыл давнюю мудрость: не вари козленка в молоке. Вот и результат.

Единственный вопрос, который возникнет у любого пытливого читателя, внимательно – заново или впервые – прочитавшего те же пушкинские сказки, что за дьявольская фантазия была у милейшей Арины Родионовны, чем руководствовалась она, расцвечивая явно не народные сюжеты, пересказываемые ею, всеми этими намеками и непристойностями?

Ответ без труда можно отыскать у того же А.С. Пушкина, в стихах хрестоматийных, но превратно, по-школьному толкуемых.

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей...
Далее – по тексту.

И. Осипов

Иван Дмитриев

Причудница

В Москве, которая и в древни времена
Прелестными была обильна и славна, –
Не знаю подлинно, при коем государе,
А только слышал я, что русские бояре
Тогда уж бросили запоры и замки,
Не запирали жен в высоки чердаки,
Но, следуя немецкой моде,
Уж позволяли им в приятной жить свободе;
И светская тогда жена
Могла без опасенья
С домашним другом, иль одна,
И на качелях быть в день Светла Воскресенья,
И в кукольный театр от скуки завернуть,
И в роще Марьиной под тенью отдохнуть, –
В Москве, я говорю, Ветрана процветала.
Она пригожеством лица,
Здоровьем и умом блистала;
Имела мать, отца;
Имела лестну власть щелчки давать супругу;
Имела, словом, все: большой тесовый дом,
С берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутов и дур содом
И даже двух сорок, которые болтали
Так точно, как она, – однако ж меньше знали.
Ветрана куколкой всегда разряжена
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нежными сердцами;
Но все они при ней казались быть льстецами,
Затем что всяк из них завидовал то ей,
То цугу вороных коней,
То парчевому ее платью,
И всяк хотел бы жить с такою благодатью.
Одна Ветрана лишь не ведала цены
Всех благ, какие ей фортуною даны;
Ни блеск, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь – ведь есть же на свету
Такие чудны нравы! –
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующий град казался пуст и скучен,
И всяк, кто ни был ей знаком,
С каким-нибудь да был пятном:
«Тот глуп, другой урод; тот ужась[1] неразлучен;
Сердечкин ноет все, вздыханьем гонит вон;
Такой-то все молчит и погружает в сон;
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишком зла, горда, самолюбива».
Такой отзыв ее знакомых всех отбил!
Родня и друг ее забыл;

Любовник разлюбил;
Приезд к пригоженькой невесте
Час от часу стал реже, реже –
Осталась наконец лишь с гордостью одной:
Утешно ли кому с подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучит в нас, а не питает душу!
Пожалуй, я в глаза сказать ей то не струшу.
Итак, Ветрана с ней сначала ну зевать,
Потом уж и грустить, потом и тосковать,
И плакать, и гонцов повсюду рассылать
За крестной матерью; а та, извольте знать,
Чудесной силою неведомой науки
Творила на Руси неслыханные штуки! –
О, если бы восстал из гроба ты в сей час,
Драгунский витязь мой, о ротмистр Брамербас,
Ты, бывший столько лет в Малороссийском крае
Игралищем злых ведьм!.. Я помню как во сне,
Что ты рассказывал еще ребенку мне,
Как ведьма некая в сарае,
Оборотя тебя в драгунского коня,
Гуляла на хребте твоём до полуночи,
Доколе ты уже не выбился из мочи;
Каким ты ужасом разил тогда меня!
С какой, бывало, ты рассказывал размахой,
В колете палевом и в длинных сапогах,
За круглым столиком, дрожащим с чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылал в твоих глазах!
Как волосы твои, седые с желтизною,
В природной простоте взвевали по плечам!
С каким безмолвием ты был внимаем мною!
В подобном твоему я страхе был и сам,
Стоял как вкопанный, тебя глазами мерил
И что уж ты не конь... еще тому не верил!
О, если бы теперь ты, витязь мой, воскрес,
Я б смелый был певец неслыханных чудес!
Не стал бы истину я закрывать под маску, –
Но, ах, тебя уж нет, и быль идет за сказку.
Простите! виноват! немного отступил;
Но, истинно, не я, восторг причиной был;
Однако я клянусь моим Пермесским богом,
Что буду продолжать обыкновенным слогом;
Итак, дослушайте ж. Однажды, вечерком,
Сидит, облокотясь, Ветрана под окном
И, возведя свои уныло-ясны очи
К задумчивой луне, сестрице смуглой ночи,
Грустит и думает: «Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Где матушка моя ликует?
Увы! Неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Неведомо теперь, что дочь ее тоскует,
Что крестница ее оставлена от всех
И в жизни никаких не чувствует утех?
Ах, если бы она хоть глазки показала!»
И с этой мыслью вдруг Всеведа ей предстала.
«Здорово, дитятко! – Ветране говорит. –
Как поживаешь ты?.. Но что твой кажет вид?
Ты так стара! так похудела!
И, бывши розою, как лилия бледна!
Скажи мне, отчего так скоро ты созрела?
Откройся...» – «Матушка! – отвечает она, –
Я жизнь мою во скуке трачу;
Настанет день – тоскую, плачу;
Покроет ночь – опять грущу
И все чего-то я ищу». –
«Чего же, светик мой? или ты нездорова?» –
«О нет, грешно сказать». – «Иль дом ваш небогат?» –

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

«Поверьте, не хочу ни мраморных палат». –
«Иль муж обычая лихого?» –
«Напротив, вряд найти другого,
который бы жену столь горячо любил». –
«Иль он не нравится?» – «Нет, он довольно мил». –
«Так разве от своих знакомых беспокойна?» –
«Я более от них любима, чем достойна». –
«Чего же, глупенька, тебе недостает?» –
«Признаться, матушка, мне так наскучил свет
И так я все в нем ненавижу,
что то одно и сплю и вижу,
чтоб как-нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель;
Да только, чтобы все в глазах моих блистало,
Все новостию поражало
И редкостью мой ум и взор;
Где б разных дивностей собор
Представил быль как небылицу...
Короче: дай свою увидеть мне столицу!»
Старуха хитрая, кивая головой,
«Что делать, – мыслила, – мне с просьбою такой?
желанье дерзко... безрассудно,
То правда; но его исполнить мне нетрудно;
Зачем же дурочку отказом огорчить?..
К тому ж, я тем могу ее и поучить».
«Изрядно! – наконец сказала. –
Исполнится, как ты желала».
И вдруг, о чудеса!
И крестница и мать взвились под небеса
На лучезарной колеснице,
Подобной в быстроте синице,
И меньше, нежели в три мига,
Спустились в новый мир, от нашего отменный,
В котором трон весне воздвигнут неизменный!
В нем реки как хрусталь, как бархат берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы все или янтарны иль топазны,
Каков же феин был дворец – признаться вам,
То вряд изобразит и Богданович[2] сам.
я только то скажу, что все материалы
(А впрочем, выдаю я это вам за слух),
Из коих феин кум, какой-то славный дух,
Дворец сей сгромоздил, лишь изумруд, опалы,
Порфир, лазурь, пироп, кристалл,
жемчуг и лал,
Все, словом, редкости богатая природы,
Какими свадебны набиты русски оды;
А сад – поверите ль? – не только описать
Иль в сказке рассказать,
Но даже и во сне его нам не видать.
Пожалуй, выдумать нетрудно,
Но все то будет мало, скудно,
Иль много, много, что во тьме кудрявых слов
Удастся Сарское село себе представить,
Армидин сад иль Петергоф;
Так лучше этот труд оставить
И дале продолжать. Ветрана, николи
Диковинок таких не видя на земли,
Со изумленьем все предметы озирает
и мыслит, что мечта во сне над ней играет;
Войдя же в храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блеск от хрусталей,
Сребристый луны сражаясь с лучами,
Которые б почлись за солнечные нами,
Как яркой молнией слепит ветранин взор;
То перламутр хрустит под ней или фарфор...
Ахти! Опять понес великолепный вздор!
Но быть уж так, когда пустился.

Итак, переступя один, другой порог,
Лишь к третьему пришли, богатый вдруг чертог
Не ветерком, но сам собою растворился!
«Ну, дочка, поживай и веселись здесь! –
Всеведа говорит. – Не только двор мой весь,
Но даже и духов подземных и воздушных,
Велениям моим послушных,
Даю во власть твою; сама же я, мой свет,
Отправлюсь на мало время –
Ведь у меня забот беремья –
К сестре, с которою не виделась сто лет;
Она недалеко живет отсюда – в Коле;
Да по дороге уж оттоле
Зайду и к брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надеюсь, что тебя довольнее застану».
Тут коврик-самолет она подостлала,
Ступила, свистнула и вмиг из глаз ушла,
Как будто бы и не была.
А удивленная Ветрана,
Как новая Диана,
Осталась между нимф, исполненных зараз;
Они тотчас ее под ручки подхватили,
Помчали и за стол роскошный посадили,
Какого и видом не видано у нас.
Ветрана кушает, а девушки прекрасны,
Из коих каждая почти как ты.. мила,
Поджавши руки вокруг стола,
Поют ей арии веселые и страстны,
Стараясь слух ее и сердце услаждать.
Потом, она едва задумала вставать,
Вдруг – девушек, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Уж спальней сделалась она!
Ветрана чувствует приятну томность сна,
Спускается на пух из роз в сплетенном нише;
И в тот же миг смычок невидимый запел,
Как будто бы сам Диц за пологом сидел;
Смычок час от часу пел тише, тише, тише
И вместе наконец с Ветраною уснул.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефир вспорхнул,
И жертва от цветов душистых воскурилась;
Взыграл и солнца луч, и голос соловья,
Слиянный с сладостным журчанием ручья
И с шумом резвого фонтана,
Воспел: «Проснись, проснись, счастливая Ветрана!»
Она проснулася – и спальная уж сад,
Жилище райское веселий и прохлад!
Повсюду чудеса Ветрана обретала:
Где только ступит лишь, тут роза расцветала;
Здесь рядом перед ней лимонны дерева,
Там миртовый кусток, там нежна мурава
От солнечных лучей, как бархат, отливает;
Там речка по песку златому протекает;
Там светлого пруда на дне
Мелькают рыбки золотые;
Там птички гимн поют природе и весне,
И попугаи голубые
Со эхом взапуски твердят:
«Ветрана! насыщай свой взгляд!»
А к полдням новая картина:
Сад превратился в храм,
Украшенный по сторонам
Столпами из рубина,
И с сводом в виде облаков
Из разных в хрустале цветов.

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

И вдруг от свода опустился
На розовых цепях стол круглый из серебра
С такою ж пищей, как вчера,
И в воздухе остановился;
А под Ветраной очутился
С подушкой бархатною трон,
Чтобы с него ей кушать
И пение, каким гордился б Амфион,
Тех нимф, которые вчера служили, слушать.
«По чести, это рай! Ну, если бы теперь, –
Ветрана думает, – подкрался в эту дверь...»
И, слова не скончав, в трюмо она взглянула –
Сошла со трона и вздохнула!
Что делала потом она во весь тот день,
Признаться, сказывать и лень,
И не умеется, и было бы некстате;
А только объявлю, что в этой же палате,
Иль в храме, как угодно вам,
Был и вечерний стол, приличный лишь богам,
И что наутро был день новых превращений
И новых восхищений;
А на другой день то ж. «Но что это за мир? –
Ветрана говорит, гармонии внимая
Висящих по стенам золотострунных лир, –
Все эдак, то тоска возьмет и среди рая!
Все чудо из чудес, куда ни поглядишь;
Но что мне в том, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселит, когда его делишь».
Лишь это вымолвить успела,
Вдруг набежала тьма, встал вихорь, грянул гром,
Ужасно буря заревела;
Все рушится, падет вверх дном,
Как не бывал волшебный дом;
И бедная Ветрана,
Бледна, безгласна, бездыханна,
Стремглав летит, летит, летит –
И где ж, вы мыслите, упала?
Средь страшных Муромских лесов,
Жилища ведьм, волков, разбойников и злых духов!
Ветрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попала она;
Все жилки с страха в ней дрожали!
Ночь адская была! ни звезды, ни луна
Сквозь черного ее покрова не мелькали;
Все спит!
Лишь воет ветер, лишь лист шумит,
Да из дупла в дупло сова перелетает,
И изредка в глуши кукушка занывает.
Сиротка думает, идти ли ей иль нет
И ждать, когда луны забрезжит бледный свет?
Но это час воров! Итак, она решилась,
Не мешкая, идти; итак, перекрестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому песку
Со страхом и тоскою;
Бледнеет и дрожит, лишь ступит шаг ногою;
Там предвещает ей последний час куку!
Там леший выставил из-за деревьев роги;
То слышится ау; то вспыхнул огонек;
То ведьма кошкою бросается с дороги,
Иль кто-то скрылся за пенек;
То по лесу раздался хохот,
То вой волков, то конский топот.
Но сердце в нас вещун: я сам то испытал,
Когда мои стихи в журналы отдавал;
Недаром и Ветрана плачет!
Уж в самом деле кто-то скачет

С рогатиной в руке, с пищалью за плечьями.
«Стой! стой! – он гаркает, сверкаючи очьями, –
Стой! кто бы ты ни шел, по воле иль неволе;
Иль света не увидишь боле!..
Кто ты?» – нагнав ее, он грозно продолжал;
Но, видя, что у ней страх губы оковал,
Берет ее в охапку
И поперек кладет седла,
А сам, надвинув шапку,
Припав к луке, летит, как из лука стрела,
Летит, исполненный отваги,
Чрез холмы, горы и овраги
И, Клязьмы доскакав высоких берегов,
Бух прямо с них в реку, не говоря двух слов;
Ветрана ж: ах!.. и пробудилась –
Представьте, как она, взглянувши, удивилась!
Вся горница полна людей:
Муж в головах стоял у ней;
Сестры и тетушки вокруг ее постели
В безмолвии сидели;
В углу приходский поп молился и читал;
В другом углу колдун досужий [3] бормотал;
У шкафа ж за столом, восчанкою накрытым,
В старину их называли досужими.
Прописывал рецепт хирургус из немчин,
Который по Москве считался знаменитым,
Затем что был один.
И все собрание,
Ветраны с первым взором:
«Очнулась!» – возгласило хором;
«Очнулась!» – повторяет хор;
«Очнулась!» – и весь двор
Запрыгал, заплясал, воскликнул: «Слава богу!
Боярыня жива! нет горя нам теперь!»
А в эту самую тревогу
Вошла Всеведа в дверь
И бросилась к Ветране.
«Ах, бабушка! зачем явилась ты не ране? –
Ветрана говорит. – Где это я была?
И что я видела?.. Страх... ужас!» – «Ты спала,
А видела лишь бред, – Всеведа отвечает. –
Прости, – развеселясь, старуха продолжает, –
Прости мне, милая! Я видела, что ты
По молодости лет ударилась в мечты;
И для того, когда ты с просьбой приступила,
Трехсуточным тебя я сном обворожила
И в сновидениях представила тебе,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбе
И новых благ желая,
Из доброй воли в ад влечем себя из рая.
Где лучше, как в своей родимой жить семье?
Итак, вперед страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всеми ты почтенна и счастлива».
С сим словом бросилась Ветрана обнимать
Супруга, всех родных и добрую Всеведу;
Потом все сродники приглашены к обеду;
Наехали, нашли и сели пировать.
Уж лицец зашипел, все стало веселее,
Всяк пьет и говорит, любуясь на бокал:
«Что матушки Москвы и краше и милее?» –
Насилу досказал.

Василий Жуковский

Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея
Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, кощейевой дочери
Жил-был царь Берендей до колен борода. Уж три года
Был он женат и жил в согласье с женою; но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе,
когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он
решился
Сам объехать все поле: авось, попадетя на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев; золотой на поверхности ковшик
Плавает. Царь Берендей поспешно за ковшик –
не тут-то
Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпеньем то правой рукою, то левой хватает
Ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
Только что дразнит царя и никак не дается.
Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хватя его разом справа и слева –
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка
нырнул он
Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывало. «Постой же!
(подумал
Царь Берендей) я напьюсь без тебя», и, недолго
сбираясь,
Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет... ан нет, погоди! не пускают; и кто-то
Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою –
держат его, да и только. «Кто там? пустите!» –
кричит он.
Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна образина:
два огромные глаза горят, как два изумруда;
рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж
зубами
Выставясь, дразнит царя; а в бороду впутались крепко
Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: «Не трудися, царь, понапрасну;
я тебя не пушу. Если же хочешь на волю,
дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».
Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
все!» и он отвечал образине: «Изволь, я согласен».
«Ладно! – опять сиповатый послышался голос. –
Смотри же,
Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека,
ни худа».
С этим словом исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,
всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.
Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал,
Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами
Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольнях
Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим
палатам –
Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей
Рядом первый министр; на руках он своих парчевую
Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный
как светлый
Месяц, в пеленках колышется. Царь догадался и ахнул.
«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый
Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Тегмонт
заплакал;
Все удивились, но слова никто не промолвил.
Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался им долго,
Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и,
горе
Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал.
О тайне
Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко
Царь был печален – он все дожидался; вот придут
за сыном;
Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью.
Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич
Рос не по дням – по часам; и сделался чудо-красавец.
Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось,
вовсе забыл... но другие не так забывчивы были.
Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую
чашу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна;
Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа.
Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда
чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, –
сказал он. –
Долго тебя дожидались мы; пора бы нас вспомнить». –
«Кто ты?» – царевич спросил. «Об этом после;
теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно
миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». –
И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
в крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
«Батюшка царь-государь, – говорит он, – со мною
случилось
Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел как мертвец. «Беда, мой
сердечный
Друг, Иван-царевич! – воскликнул он, горько
заплакав. –
Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную
тайну о данной
Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися,
родитель, –
Так отвечал Иван-царевич, – беда невелика.
Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто
не проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как
должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
Крест на шею надела ему; отпели молебен;
Нежно потом обнялись, поплакали... с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий; в исходе четвертого –
солнце
Только успело зайти – подъезжает он к озеру; гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник – и все как будто бы дремлет;
Воздух не веет; тростинка не тронется; шороха
в струйках

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же видит он? Тридцать хохлатых сереньких уток под берега плавают; рядом тридцать белых сорочек под воду на травке лежат. Осторожно поодаль слез Иван-царевич с коня; высокой травой скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько взял; потом угнезвился в кусте дожидаться, что будет. Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют... Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись, подплыли к берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой к белым сорочкам, оземь ударились, все обратились в красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли. Только тридцатая уточка, на берег выйти не смея, взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком около берега бьется; с робостью вытянув шейку, смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет... Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит к ней из-за кустика; глядь, а она ему человеческим голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею спорить не стал, положил на травку сорочку и, скромно прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица в белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и, краснея, руку ему подает и, потупив стыдливые очи, голосом звонким, как струны, ему говорит: «Благодарствуй, добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал; тем ты себе самому услужил, но и мною доволен будешь: я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна; тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным царством владеет Кощей. Он давно уж тебя поджидает в гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься, сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай: только завидишь Кощея-царя, упади на колена, прямо к нему поползи; затопает он – не пугайся; станет ругаться – не слушай; ползи да и только; что после будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна в землю ударила маленькой ножкой своей; расступилась тотчас земля, и они вместе в подземное царство спустились. Видят дворец Кощея бессмертного; высечен был он весь из карбункула камня и ярче небесного солнца все под землей освещал. Иван-царевич отважно входит: Кощей сидит на престоле в светлой короне; блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями. Только завидел его вдалеке, тотчас на колени стал Иван-царевич. Кощей же затопал, сверкнуло страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу; царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, – сказал он, – если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою ссоры теперь заводит я не стану. Милости просим к нам в подземельное царство; но знай, за твое послушанье

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont
Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся мы
завтра;
Ныне уж поздно; поди». Тут два придворных проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался
Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро
Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул:
«Ну, Иван-царевич, – сказал он, – теперь мы
посмотрим,
что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам
построить
Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг
регулярный
Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь
Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нет, то прошу не пенять... головы
не удержишь!» –
«Ах ты, Кощей окаянный, – Иван-царевич подумал, –
Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной
Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж вечер;
Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку,
Бьетса об стекла – и слышит он голос: «Впусти!»
Отворил он
Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич;
о чем ты
Так призадумался?» – «Нехотя будешь задумчив, –
сказал он. –
Батюшка твой до моей головы добирается». – «Что же
Сделать решился ты?» – «Что? Ничего. Пускай его
снимет
Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь». –
«Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам
Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися
Спать; а завтра поране встань; уж дворец твой
построен
Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай
в стену».
Так все и сделалось. Утром, ни свет ни заря, из каморки
Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен.
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей
изумился;
Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, –
Так он сказал Ивану-царевичу, – вижу, ты ловок
На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен.
Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь
Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки
Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать;
не узнаешь –
С плеч голова. Поди». – «Уж выдумал, чучела,
мудрость, –
Думал Иван-царевич, сидя под окном. – Не узнать мне
Марью-царевну... какая ж тут трудность?» –
«А трудность такая, –
Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, –
что если
Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью
Может нас различать». – «Ну что же мне делать?» –
«А вот что:
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь

хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка
исчезла.

Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет
Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одинаковом
Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, –
Молвил Кощей, – изволь-ка пройтись три раза
мимо

Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать нам
Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он
в оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит
в первый раз – мошки нет; проходит в другой раз –
все мошки

Нет; проходит в третий и видит – крадется мошка,
чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
так и горит; загорелось и в нем, и с трепещущим
сердцем:

«Вот она, Марья-царевна!» – сказал он Кощею,
подавши

руку красавице с мошкой. «Э! э! да тут, примечаю,
что-то нечисто, – Кощей проворчал, на царевича
с сердцем

выпучив оба зеленые глаза. – Правда, узнал ты
Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость;
верно, с грехом пополам. погоди же, теперь доберуся
я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй;
рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
здесь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда
будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь с места,
сшей мне пару сапог с оторочкой; не диво; да только
знай наперед: не сошьешь – долой голова; до свиданья».

Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив,
милый Иван-царевич?» – спросила она. «Поневоле
будешь задумчив, – он ей отвечал. – Отец твой затеял
новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой;
разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже
родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много
этих бессмертных». – «Иван-царевич, да что же ты
будешь

делать?» – «Что мне тут делать? Шить сапогов я
не стану.

Снимет он голову – черт с ним, с собакой! какая
мне нужда!» –

«Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста;
я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся
или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж другого
способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна
плюнула; слюнки в минуту примерзли к стеклу;
из каморки

вышла она потом с Иваном-царевичем вместе,
двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
там очутились, откуда сошли в подземельное царство:
то же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет
конь Ивана-царевича. Только почуял могучий
конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался
прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный
в землю,

стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелюю.
Царь Кощей в назначенный час посылает придворных
слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят;
заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им
слюнки,

словно как сам Иван-царевич, отвечают: буду.

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Этот ответ придворные слуги относят к Кощею;
Ждать-подождать – царевич нейдет; посылает
в другой раз
Тех же послов рассерженный Кощей, и та же всё
песня:
Буду; а нет никого. Взбесился Кощей. «Насмехаться,
что ли, он вздумал? Бегите же; дверь разломать
и в минуту
За ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились
слуги...
Двери разломаны... вот тебе раз; никого там, а слюнки
Так и хохочут. Кощей едва от злости не лопнул.
Ах! он вор окаянный! люди! люди! скорее
Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
Он убежит!..» Помчалась погоня... «Мне слышится
топот», –
Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись
Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня и, припавши
Ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». –
«Так медлить
Нечего», – Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
Скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись,
стали
В пень Кошеевы слуги: след до мостика виден;
Дале ж и след пропадает и делится на три дорога.
Нечего делать – назад! Воротились разумники.
Страшно
Царь Кощей разозлился, о их неудаче услышав.
«Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться
Можно бы вам, дуралям! Назад! чтоб был непременно
Здесь он!..» Опять помчалась погоня...
«Мне слышится топот», –
Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.
Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
«Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их,
дремучим
Сделались лесом; в лесу том дорожек, тропинок
числа нет;
По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.
Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу;
Видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.
Лес же раскинулся вплоть до входа в Кошеево царство.
Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;
Кажется, близко; ну только б схватить; ан нет,
не дается.
Глядь! очутились они у входа в Кошеево царство,
В самом том месте, откуда пустились в погоню;
и скрылось
Всё: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками
Снова явились к Кощею они. Как цепная собака,
Начал метаться Кощей. «Вот я ж его, плута! Коня мне!
Сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!»
Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько
Шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей отвечает:
«Скачут, и близко». «Беда нам! Ведь это Кощей,
мой родитель
Сам; но у первой церкви граница его государства;
Далее ж церкви скакать он никак не посмеет.
Подай мне
Крест твой с мощами». Послушавшись
Марьи-царевны, снимает
С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
Он в монаха, а конь в колокольню – и в ту же минуту

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

С свитою к церкви Кощей прискакал. «Не видал ли проезжих, Старец честной?» – он спросил у монаха. «Сейчас проезжали
Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили В церковь они – святым помолились да мне приказали
Свечку поставить за здоровье твое и тебе поклониться, Если ко мне ты заедешь». – «Чтоб шею сломить им, проклятым!» –
Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный помчался
С свитой назад, а примчавшись домой, пересек беспощадно
Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся Боле погони. Вот они едут шажком; уж склонялось Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось В этот город заехать. «Иван-царевич, – сказала Марья-царевна, – не езд; недаром вешее сердце Ноет во мне: беда приключится». – «Чего ты боишься, Марья-царевна? Заедем туда на минуту; посмотрим Город, потом и назад». – «Заехать нетрудно, да трудно Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь Белым камнем лежать у дороги; смотри же, мой милый, Будь осторожен: царь, и царица, и дочь их царевна Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец Будет; младенца того не целуй: поцелуешь – забудешь Тотчас меня; тогда и я не останусь на свете, С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги, Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третий День не придешь... но прости, поезжай». И в город поехал,
С нею простоя, Иван-царевич один. У дороги Белым камнем осталася Марья-царевна. Проходит День, проходит другой, напоследок проходит и третий –
Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!
Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна; Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-кудряшка,
Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился прямо В руки Ивану-царевичу; он же его красотою Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки Начал его целовать; и в эту минуту затмилась Память его, и он позабыл о Марье-царевне.
Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне Незачем боле». И в то же мгновенье из белого камня Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилась.
«Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет Кто-нибудь в землю меня», – сказала она, и росинки Слез на листьях голубых заблестали. Дорогой в то время Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел; Нежной его красотою пленясь, осторожно он вырыл С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой минуты
Всё не по-старому стало в избушке; чудесное что-то Начало деяться в ней: проснется старик – а в избушке Всё уж как надобно прибрано; нет нигде ни пылинки. В полдень придет он домой – а обед уж состряпан, и чистой Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье.

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Он дивился, не знал, что подумать; ему напоследок
Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки
Начал совета просить, что делать. «А вот что ты
сделай, –
Так отвечала ему ворожейка, – встань ты до первой
Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба
Глаза гляди: что начнет в избушке твоей шевелиться,
То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь».
Целую ночь напролет старик пролежал на постеле,
Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке
Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой
встрепенулся,
С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке;
Все между тем по местам становилось, повсюду
сметалась
Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно
с постели
Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась
Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.
«Что ты сделал? – сказала она. – Зачем возвратил ты
жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич
прекрасный,
Бросил меня, и я им забыта». – «Иван твой царевич
Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен,
и гости
Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна;
Слезы потом отерла; потом, в сарафан нарядившись,
В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую
кухню;
Бегают там повара в колпаках и фартуках белых;
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, приближась
К старшему повару, с видом умильным и сладким,
как флейта,
Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай,
позволь мне
Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел
Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым
взглядом:
«В добрый час, девица-красавица; все что угодно
делаю; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой».
Вот пирог испечен; а званые гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем;
гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только
верхушку
Срезал с него Иван-царевич – новое чудо!
Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует:
«Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне ты
забудешь
Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!»
Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;
Он вскочил как безумный и кинулся в дверь,
а за дверью
Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же
Конь вороной с нетерпенья, оседланный, взнузданный,
пляшет.
Нечего медлить; поехал Иван-царевич с своею
Марьей-царевной; едут да едут, и вот приезжают
В царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли их с весельем таким, что такого веселья
Видом не видано, слухом не слыхано. Долго не стали
думать, честным пирком да за свадебку; съехались
гости,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво
Пил; по усам текло, да в рот не попало. И все тут.

Спящая царевна

Жил-был добрый царь Матвей;

Жил с царицею своею

Он в согласье много лет;

А детей все нет как нет.

Раз царица на лугу,

На зеленом берегу

Ручейка была одна;

Горько плакала она.

Вдруг, глядит, ползет к ней рак;

Он сказал царице так:

«Мне тебя, царица, жаль;

Но забудь свою печаль;

Понесешь ты в эту ночь:

У тебя родится дочь». –

«Благодарствуй, добрый рак;

Не ждала тебя никак...»

Но уж рак уполз в ручей,

Не слышав ее речей.

Он, конечно, был пророк;

Что сказал – сбылось в срок:

Дочь царица родила.

Дочь прекрасна так была,

Что ни в сказке рассказать,

Ни пером не описать.

Вот царем Матвеем пир

Знатный дан на целый мир;

И на пир веселый тот

Царь одиннадцать зовет

Чародеек молодых;

Было ж всех двенадцать их;

Но двенадцатой одной,

Хромоногой, старой, злой,

Царь на праздник не позвал.

Отчего ж так оплошал

Наш разумный царь Матвей?

Было то обидно ей.

Так, но есть причина тут:

У царя двенадцать блюд

Драгоценных, золотых

Было в царских кладовых;

Приготовили обед;

А двенадцатого нет

(Кем украдено оно,

Знать об этом не дано).

«Что ж тут делать? – царь сказал. –

Так и быть!» И не послал

Он на пир старухи звать.

Собрались пировать

Гости, званные царем;

Пили, ели, а потом,

Хлебосольного царя

За прием благодаря,

Стали дочь его дарить:

«Будешь в золоте ходить;

Будешь чудо красоты;

Будешь всем на радость ты

Благонравна и тиха;

Дам красавца жениха

Я тебе, мое дитя;

Жизнь твоя пройдет шутя

Меж знакомых и родных...»

Словом, десять молодых

Чародеек, одарив

Так дитя наперерыв,

Удалились; в свой черед

И последняя идет;
Но еще она сказать
Не успела слова – глядь!
А незваная стоит
Над царевной и ворчит:
«На пиру я не была,
Но подарок принесла:
На шестнадцатом году
Повстречаешь ты беду;
В этом возрасте своем
Руку ты веретенном
Оцарапаешь, мой свет,
И умрешь во цвете лет!»
Проворчавши так, тотчас
Ведьма скрылась из глаз;
Но оставшаяся там
Речь домолвила: «Не дам
Без пути ругаться ей
Над царевною моею;
Будет то не смерть, а сон;
Триста лет продлится он;
Срок назначенный пройдет,
И царевна оживет;
Будет долго в свете жить;
Будут внуки веселить
Вместе с нею мать, отца
До земного их конца».
Скрылась гостья. Царь грустит;
Он не ест, не пьет, не спит:
Как от смерти дочь спасти?
И, беду чтоб отвести,
Он дает такой указ:
«Запрещается от нас
В нашем царстве сеять лен,
Прясть, сучить, чтоб веретен
Духу не было в домах;
Чтоб скорей как можно прях
Всех из царства выслать вон».
Царь, издав такой закон,
Начал пить, и есть, и спать,
Начал жить да поживать,
Как дотолле, без забот.
Дни проходят; дочь растет;
Расцвела, как майский цвет;
Вот уж ей пятнадцать лет...
Что-то, что-то будет с ней!
Раз с царицею своею
Царь отправился гулять;
Но с собой царевну взять
Не случилось им; она
Вдруг соскучилась одна
В душной горнице сидеть
И на свет в окно глядеть.
«Дай, – сказала наконец, –
Осмотрю я наш дворец».
По дворцу она пошла:
Пышных комнат нет числа;
Всем любуется она;
Вот, глядит, отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Всходит вверх и видит – там
Старушоночка сидит;
Гребень под носом торчит;
Старушоночка прядет
И за пряжею поет:
«Веретенце, не ленись;

Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будет в добрый час
Гостья жданная у нас».
Гостья жданная вошла;
Пряха молча подала
В руки ей веретено;
Та взяла, и вмиг оно
Укололо руку ей...
Все исчезло из очей;
На нее находит сон;
Вместе с ней объемлет он
Весь огромный царский дом;
Все утихнуло кругом;
Возвращаясь во дворец,
На крыльце ее отец
Пошатнулся, и зевнул,
И с царицею заснул;
Свита вся за ними спит;
Стража царская стоит
Под ружьем в глубоком сне,
И на спящем спит коне
Перед ней хорунжий сам;
Неподвижно по стенам
Мухи сонные сидят;
У ворот собаки спят;
В стойлах, головы склонив,
Пышны гривы опустив,
Кони корму не едят,
Кони сном глубоким спят;
Повар спит перед огнем;
И огонь, объятый сном,
Не пылает, не горит,
Сонным пламенем стоит;
И не тронется над ним,
Свившись клубом, сонный дым;
И окрестность со дворцом
Вся объята мертвым сном;
И покрыл окрестность бор;
Из терновника забор
Дикий бор тот окружил;
Он навек загородил
К дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда следа –
И приблизиться беда!
Птица там не пролетит,
Близко зверь не пробежит,
Даже облака небес
На дремучий, темный лес
Не навеет ветерок.
Вот уж полный век протек;
Словно не жил царь Матвей –
Так из памяти людей
Он изгладился давно;
Знали только то одно,
Что средь бора дом стоит,
Что царевна в доме спит,
Что проспять ей триста лет,
Что теперь к ней следу нет.
Много было смельчаков
(По сказанью стариков),
В лес брались они сходить,
Чтоб царевну разбудить;
Даже бились об заклад
И ходили – но назад
Не пришел никто. С тех пор
В неприступный, страшный бор
Ни старик, ни молодой

За царевной ни ногой.
Время ж все текло, текло;
Вот и триста лет прошло.
Что ж случилось? В один
День весенний царский сын,
Забавляясь ловлей, там
По долинам, по полям
С свитой ловчих разъезжал.
Вот от свиты он отстал;
И у бора вдруг один
Очутился царский сын.
Бор, он видит, темен, дик.
С ним встречается старик.
С стариком он в разговор:
«Расскажи про этот бор
Мне, старинушка честной!»
Покачавши головой,
Все старик тут рассказал,
Что от дедов он слышал
О чудесном боре том:
Как богатый царский дом
В нем давным-давно стоит,
Как царевна в доме спит,
Как ее чудесен сон,
Как три века длится он,
Как во сне царевна ждет,
Что спаситель к ней придет;
Как опасны в лес пути,
Как пыталась дойти
До царевны молодежь,
Как со всяким то ж да то ж
Приключалось: попадал
В лес, да там и погибал.
Был детина удалой
Царский сын; от сказки той
Вспыхнул он, как от огня;
Шпоры втиснул он в коня;
Прянул конь от острых шпор
И стрелой помчался в бор,
И в одно мгновенье там.
Что ж явилось очам
Сына царского? Забор,
Ограждавший темный бор,
Не терновник уж густой,
Но кустарник молодой;
Блещут розы по кустам;
Перед витязем он сам
Расступился, как живой;
В лес въезжает витязь мой:
Всё свежо, красно пред ним;
По цветочкам молодым
Пляшут, блещут мотыльки;
Светлой змейкой ручейки
Вьются, пенятся, журчат;
Птицы прыгают, шумят
В густоте ветвей живых;
Лес душист, прохладен, тих,
И ничто не страшно в нем.
Едет гладким он путем
Час, другой; вот наконец
Перед ним стоит дворец,
Зданье – чудо старины;
Ворота отворены;
В ворота въезжает он;
На дворе встречает он
Тьму людей, и каждый спит:
Тот как вкопанный сидит;
Тот не двигаясь идет;

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Тот стоит, раскрывши рот,
Сном пресекая разговор,
И в устах молчит с тех пор
Недоконченная речь;
Тот, вздремав, когда-то лечь
Собрался, но не успел:
Сон волшебный овладел
Прежде сна простого им;
И, три века недвижим,
Не стоит он, не лежит
И, упасть готовый, спит.
Изумлен и поражен
Царский сын. Проходит он
Между сонными к дворцу;
Приближается к крыльцу;
По широким ступеням
Хочет вверх идти; но там
На ступенях царь лежит
И с царицей вместе спит.
Путь наверх загорожен.
«Как же быть? – подумал он. –
Где пробраться во дворец?»
Но решился наконец,
И, молитву сотворя,
Он шагнул через царя.
Весь дворец обходит он;
Пышно все, но всюду сон,
Гробовая тишина.
Вдруг глядит: отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Он взошел. И что же там?
Вся душа его кипит,
Перед ним царевна спит.
Как дитя, лежит она,
Распылалась от сна;
Молод цвет ее ланит;
Меж ресницами блестит
Пламя сонное очей;
Ночи темная темней,
Заплетенные косою
Кудри черной полосой
Обвились кругом чела;
Грудь как свежий снег бела;
На воздушный, тонкий стан
Брошен легкий сарафан;
Губки алые горят;
Руки белые лежат
На трепещущих грудях;
Сжаты в легких сапожках
Ножки – чудо красотой.
Видом прелести такой
Отуманен, распален,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.
Что ж разрушит силу сна?
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнем
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал
И ее поцеловал.
Вмиг проснулась она;

И за нею вмиг от сна
Поднялось все кругом;
Царь, царица, царский дом;
Снова говор, крик, возня;
Все как было; словно дня
Не прошло с тех пор, как в сон
Весь тот край был погружен.
Царь на лестницу идет;
Нагулявшись, ведет
Он царицу в их покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучат;
Мухи стаями летят;
Приворотный лает пес;
На конюшне свой овес
Доедает добрый конь;
Повар дует на огонь,
И, треща, огонь горит,
И струю дым бежит;
Всё бывалое – один
Небывалый царский сын.
Он с царевной наконец
Сходит сверху; мать, отец
Принялись их обнимать.
Что ж осталось досказать?
Свадьба, пир, и я там был
И вино на свадьбе пил;
По усам вино бежало,
В рот же капли не попало.
Кот в сапогах
Жил мельник. Жил он, жил и умер,
Оставивши своим трем сыновьям
В наследство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взял старший сын,
Осла взял средний; а меньшому дали
Кота. И был он крепко недоволен
Своим участком. «Братья, – рассуждал он, –
Сложившись, будут без нужды; а я,
Изжаривши кота, и съев, и сделав
Из шкурки муфту, чем потом начну
Хлеб добывать насущный?» Так он вслух,
С самим собою рассуждая, думал;
А кот, тогда лежавший на печурке,
Разумное подслушав рассужденье,
Сказал ему: «Хозяин, не печалься;
Дай мне мешок да сапоги, чтоб мог я
Ходить за дичью по болоту – сам
Тогда увидишь, что не так-то беден
Участок твой». Хотя и не совсем
Был убежден котом своим хозяин,
Но уж не раз случалось замечать
Ему, как этот кот искусно вел
Войну против мышей и крыс, какие
Выдумывал он хитрости и как
То, мертвым притворясь, висел на лапах
Вниз головой, то пудрился мукой,
То прятался в трубу, то под кадушкой
Лежал, свернувшись в ком; а потому
И слов кота не пропустил он мимо
Ушей. И подлинно, когда он дал
Коту мешок и нарядил его
В большие сапоги, на шею кот
Мешок надел и вышел на охоту
В такое место, где, он ведал, много
Водилось кроликов. В мешок насыпав
Трухи, его на землю положил он;
А сам вблизи как мертвый растянулся
И терпеливо ждал, чтобы какой невинный,

Неопытный в науке жизни кролик
Пожаловал к мешку покушать сладкой
Трухи; и он недолго ждал; как раз
Перед мешком его явился глупый,
Вертлявый, долгоухий кролик; он
Мешок понюхал, поморгал ноздрями,
Потом и влез в мешок; а кот проворно
Мешок стянул снурком и без дальнейших
Приветствий гостя угостил по-свойски.
Победою довольный, во дворец
Пошел он к королю и приказал,
Чтобы о нем немедля доложили.
Велел ввести кота в свой кабинет
Король. Вошел, он поклонился в пояс;
Потом сказал, потупив морду в землю:
«Я кролика, великий государь,
От моего принес вам господина,
Маркиза Карабаса (так он вздумал
Назвать хозяина); имеет честь
Он вашему величеству свое
Глубокое почтение изъявить
И просит вас принять его гостинец». –
«Скажи маркизу, – отвечал король, –
что я его благодарю и что
я очень им доволен». Королю
Откланявшись, кот пошел домой;
Когда ж он шел через дворец, то все
Вставали перед ним и жали лапу
Ему с улыбкой, потому что он
Был в кабинете принят королем
И с ним наедине (и, уж конечно,
О государственных делах) так долго
Беседовал; а кот был так учтив,
Так обходителен, что все дивились
И думали, что жизнь свою провел
Он в лучшем обществе. Спустя немного
Отправился опять на ловлю кот,
В густую рожь засел с своим мешком
И там поймал двух жирных перепелок.
И их немедленно он к королю,
Как прежде кролика, отнес в гостинец
От своего маркиза Карабаса.
Охотник был король до перепелок;
Опять позвать велел он в кабинет
Кота и, перепелок сам принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велел особенно. И так наш кот
Недели три-четыре к королю
От имени маркиза Карабаса
Носил и кроликов и перепелок.
Вот он однажды сведал, что король
Сбирается прогуливаться в поле
С своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свете
Никто не видывал) и что они
Поедут берегом реки. И он,
К хозяину поспешно прибежав,
Ему сказал: «Когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разом
И счастлив и богат; вся хитрость в том.
Чтоб ты сейчас пошел купаться в реку;
что будет после, знаю я; а ты
Сиди себе в воде, да полоскайся,
Да ни о чем не хлопочи». Такой
Совет принять маркизу Карабасу
Нетрудно было; день был жаркий; он
С охотою отправился к реке,
Влез в воду и сидел в воде по горло.

А в это время был король уж близко.
Вдруг начал Кот кричать: «Разбой! разбой!
Сюда, народ!» – «Что сделалось?» – подъехав,
Спросил король. «Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили в реку;
Он тонет». Тут, по слову короля,
С ним бывшие придворные чины
Все кинулись ловить в воде маркиза.
А королю Кот на ухо шепнул:
«Я должен вашему величеству донести,
что бедный мой маркиз совсем раздет;
Разбойники все платье унесли».
(А платье сам, мошенник, спрятал в куст.)
Король велел, чтобы один из бывших
С ним государственных министров снял
С себя мундир и дал его маркизу.
Министр тотчас разделся за кустом;
Маркиза же в его мундир одели,
И Кот его представил королю;
И королем был ласково он принят.
А так как он красавец был собою,
То и совсем не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундир
(Хотя на нем и не совсем в обтяжку
Сидел он, потому что брюхо было
У королевского министра) вид
Ему отличный придавал – короче,
Маркиз понравился; и сесть с собой
В коляску пригласил его король;
А сметливый наш Кот во все лопатки
Вперед бежать пустился. Вот увидел
Он на лугу широком косарей,
Сбиравших сено. Кот им закричал:
«Король проедет здесь; и если вы
Ему не скажете, что этот луг
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король, проехав,
Спросил: «Кому такой прекрасный луг
Принадлежит?» – «Маркизу Карабасу», –
Все закричали разом косари
(В такой их страх привел проворный Кот).
«Богатые луга у вас, маркиз», –
Король заметил. А маркиз, смиренный
Принявши вид, отвечивал: «Луга
Изрядные». Тем временем поспешно
Вперед ушедший Кот увидел в поле
Жнецов: они в снопы вязали рожь.
«Жнецы, – сказал он, – едет близко наш
Король. Он спросит вас: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король проехал.
«Кому принадлежит здесь поле?» – он
Спросил жнецов. «Маркизу Карабасу», –
Жнецы ему с поклоном отвечали.
Король опять сказал: «Маркиз, у вас
Богатые поля». Маркиз на то
По-прежнему отвечивал смиренно:
«Изрядные». А Кот бежал вперед
И встречных всех учил, как королю
Им отвечать. Король был поражен
Богатствами маркиза Карабаса.
Вот наконец в великолепный замок
Кот прибежал. В том замке людоед
Волшебник жил, и Кот о нем уж знал

Всю подноготную; в минуту он
Смекнул, что делать: в замок смело
Вошел, он попросил у людоеда
Аудиенции; и людоед,
Приняв его, спросил: «Какую нужду
Вы, кот, во мне имеете?» На это
Кот отвечал: «Почтенный людоед,
Давно слух носится, что будто вы
Умеете во всякий превращаться,
Какой задумаете, вид; хотел бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вам?» – «Это правда; сами, кот,
Увидите». И мигом он явился
Ужасным львом с густой, косматой гривой
И острыми зубами. Кот при этом
Так струсил, что (хоть был и в сапогах)
В один прыжок под кровлей очутился.
А людоед, захохотавши, принял
Свой прежний вид и попросил кота
К нему сойти. Спустившись с кровли, кот
Сказал: «Хотелось бы, однако, знать мне,
Вы можете ль и в маленького зверя,
Вот, например, в мышонка, превратиться?» –
«Могу, – сказал с усмешкой людоед. –
Что ж тут мудреного?» И он явился
Вдруг маленьким мышонком. Кот того
И ждал; он разом: цап! и съел мышонка.
Король тем временем подъехал к замку,
Остановился и хотел узнать,
Чей был он. Кот же, рассчитавшись
С его владельцем, ждал уж у ворот,
И в пояс кланялся, и говорил:
«Не будет ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутье в замок
К маркизу Карабасу?» – «Как, маркиз, –
Спросил король, – и этот замок вам же
Принадлежит? Признаться, удивляюсь;
И будет мне приятно побывать в нем».
И приказал король своей коляске
К крыльцу подъехать; вышел из коляски;
Принцессе ж руку предложил маркиз;
И все пошли по лестнице высокой
В покои. Там в пространной галерее
Был стол накрыт и полдник приготовлен
(На этот полдник людоед позвал
Приятелей, но те, узнав, что в замке
Король был, не вошли и все домой
Отправились). И, сев за стол роскошный,
Король велел маркизу сесть меж ним
И дочерью; и стали пировать.
Когда же в голове у короля
Вино позашумело, он маркизу
Сказал: «Хотите ли, маркиз, чтоб дочь
Моя за вас я выдал?» Честь такую
С неимоверной радостью принял
Маркиз. И свадьбу вмиг сыграли. Кот
Остался при дворе, и был в чины
Произведен, и в бархатных являлся
В дни табельные сапогах. Он бросил
Ловить мышей, а если и ловил,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь и сплин, который нажил
Под старость при дворе, воспоминаньем
О светлых днях минувшего рассеять.
Тюльпанное дерево
Однажды жил, не знаю где, богатый
И добрый человек. Он был женат
И всей душой любил свою жену;

Но не было у них детей; и это
Их сокрушало, и они молились,
Чтобы господь благословил их брак;
И к господе молитва их достигла.
Был сад кругом их дома; на поляне
Там дерево тюльпанное росло.
Под этим деревом однажды (это
Случилось в зимний день) жена сидела
И с яблока румяного ножом
Снимала кожу; вдруг ей острый нож
Легонько палец оцарапал; кровь
Пурпурной каплею на белый снег
Упала; тяжело вздохнув, она
Подумала: «О! если б бог нам дал
Дитя, румяное как эта кровь
И белое как этот чистый снег!
И только что она сказала это, в сердце
Ее как будто что зашевелилось,
Как будто из него утешный голос
Шепнул ей: «Сбудется». Пошла в раздумье
Домой. Проходит месяц – снег растаял;
Другой проходит – все в лугах и рощах
Зазеленело; третий месяц миновался –
Цветы покрыли землю, как ковер;
Прошел четвертый – все в лесу деревья
Срослись в один зеленый свод, и птицы
В густых ветвях запели голосисто,
И с ними весь широкий лес запел.
Когда же пятый месяц был в исходе –
Под дерево тюльпанное она
Пришла; оно так сладко, так свежо
Благоухало, что ее душа
Глубокою, неведомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился месяц – стали наливать
Плоды и созреть; она же стала
Задумчивей и тише; наступает
Седьмой – и часто, часто под своим
Тюльпанным деревом она одна
Сидит, и плачет, и ее томит
Предчувствие тяжелое; настал
Осьмой – она в конце его больная
Слегла в постель и сказала мужу
В слезах: «Когда умру, похорони
Меня под деревом тюльпанным»; месяц
Девятый кончился – и родился
У ней сынок, как кровь румяный, белый
Как снег; она ж обрадовалась так,
Что умерла. И муж похоронил
Ее в саду, под деревом тюльпанным.
И горько плакал он об ней; и целый
Проплакал год; и начала печаль
В нем утихать; и наконец утихла
Совсем; и он женился на другой
Жене, и скоро с нею прижил дочь.
Но не была ничем жена вторая
На первую похожа; в дом его
Не принесла она с собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрела, в ней смеялась душа;
Когда ж глаза на сироту, на сына
Другой жены, невольно обращала,
В ней сердце злилось: он как будто ей
И жить мешал; а хитрый искуситель
Против него нашептывал всечасно
Ей злые замыслы. В слезах и в горе
Сиротка рос, и ни одной минуты
Веселой в доме не было ему.

Однажды мать была в своей каморке,
И перед ней стоял сундук открытый
С тяжелой, кованной железом кровлей
И с острым нутряным замком; сундук
Был полон яблок. Тут сказала ей
Марлиночка (так называли дочь):
«Дай яблочко, родная, мне». – «Возьми», –
Ей отвечала мать. «И братцу дай», –
Прибавила Марлиночка. Сначала
Нахмурилась мать; но враг лукавый
Вдруг что-то ей шепнул; она сказала:
«Марлиночка, поди теперь отсюда;
Обоим вам по яблочку я дам,
Когда твой брат воротится домой».
(А из окна уж видела она,
Что мальчик шел, и чудилось ей,
Что будто на нее с ним вместе злое
Шло искушение.) Кованый сундук
Закрыв, она глаза на двери дико
Уставила; когда ж их отворил
Малютка и вошел, ее лицо
Белее стало полотна; поспешно
Она ему дрожащим и глухим
Сказала голосом: «Вынь для себя
И для Марлиночки из сундука
Два яблока». При этом слове ей
Почудилось, что кто-то подле громко
Захохотал; а мальчик, на нее
Взглянув, спросил: «Зачем ты на меня
Так страшно смотришь?» – «Выбирай скорее!» –
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ее глаза
Сверкнули острым блеском. Мальчик робко
За яблоком нагнул голову
В сундук; тут ей лукавый враг шепнул:
«Скорей!» И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундук, и голова
Малютки, как ножом, была железным
Отрезана замком и, отскочивши,
Упала в яблоки. Холодной дрожью
Злодейку обдало. «Что делать мне?» –
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундук. И вот она
Из шкапа шелковый платок достала,
И, голову отрезанную к шее
Приставив, тем платком их обвила
Так плотно, что приметить ничего
Не можно было, и потом она
Перед дверями мертвого на стул
(Дав в руки яблоко ему и к стенке
Его спиной придвинув) посадила;
И наконец, как будто не была
Ни в чем, пошла на кухню стряпать. Вдруг
Марлиночка в испуге прибежала
И шепчет: «Посмотри туда; там братец
Сидит в дверях на стуле; он так бел;
И держит яблоко в руке; но сам
Не ест; когда ж его я попросила,
Чтоб дал мне яблоко, не отвечал
Ни слова, не взглянул; мне стало страшно».
На то сказала мать: «Поди к нему
И попроси в другой раз; если ж он
Опять ни слова отвечать не будет
И на тебя не взглянет, подери
Его крепче за ухо: он спит».
Марлиночка пошла и видит: братец
Сидит в дверях на стуле, бел как снег;
Не шевелится, не глядит и держит,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Как прежде, яблоко в руках, но сам
Его не ест. Марлиночка подходит
И говорит: «Дай яблочко мне, братец».
Ответа нет. Тут за ухо она
Тихонько братца дернула; и вдруг
От плеч его отпала голова
И покатилась. С криком прибежала
Марлиночка на кухню: «Ах! родная,
Беда, беда! Я братца моего
Убила! Голову оторвала
я братцу!» И бедняжка заливалась
Слезами и кричала криком. Ей
Сказала мать: «Марлиночка, уж горю
Не пособить; нам надобно скорей
Его прибрать, пока не воротился
Домой отец; возьми и отнеси
Его покуда в сад и спрячь там; завтра
Его сама в овраг я брошу; волки
Его съедят, и косточек никто
Не съест; перестань же плакать; делай,
что я велю». Марлиночка пошла;
Она, широкой белой простынею
Обвинив тело, отнесла его,
Рыдая, в сад, и там его тихонько
Под деревом тюльпанным положила
На свежий дерн, который покрывал
Могилку матери его... И что же?
Могилка вдруг раскрылась, и тело
Взяла, и снова дерн зазеленел
На ней, и расцвели на ней цветы,
И из цветов вдруг выпорхнула птичка,
И весело запела, и взвилась
Под облака, и в облаках пропала.
Марлиночка сперва оторопела;
Потом (как будто кто в ее душе
Печаль заговорил) ей стало вдруг
Легко – пошла домой и никому
О бывшем с нею не сказала. Скоро
Пришел домой отец. Не видя сына,
Спросил он с беспокойством: «Где он?»
Мать,
Вся помертвев, поспешно отвечала:
«Ранехонько ушел он со двора
И все еще не возвращался». Было
Уж за полдень; была пора обедать,
И накрывать на стол хозяйка стала.
Марлиночка ж сидела в уголку,
Не шевелясь и молча; день был светлый;
Ни облачка на небе не бродило,
И тихо блеск полуденного солнца
Лежал на зелени дерев, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая с могилы братца птичка
Летала да летала; вот она
На кустик села под окошком дома,
Где золотых дел мастер жил. Она,
Расправив крылышки, запела громко.
«Зла мачеха зарезала меня;
Отец родной не ведает о том;
Сестрица же Марлиночка меня
Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
Услышав это, золотых дел мастер
В окошко выглянул; он так пленился
Прекрасной птичкою, что закричал:
«Пропой еще раз, милая пичужка!» –
«Я даром дважды петь не стану, – птичка
Сказала, – подари цепочку мне,

усская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

И запою». Услышав это, мастер
Богатую ей бросил из окна
Цепочку. Правой лапкою схвативши
Цепочку ту, свою запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и, допевши,
Спорхнула с кустика с своей добычей,
И полетела далее, и скоро
На кровлю домика, где жил башмачник,
Спустилася и там опять запела:
«Зла мачеха зарезала меня;
Отец родной не ведает о том;
Сестрица же Марлиночка меня
Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
Башмачник в это время у окна
Шил башмаки; услышав песню, он
Работу бросил, выбежал на двор
И видит, что сидит на кровле птичка
Чудесной красоты. «Ах! птичка, птичка, –
Сказал башмачник, – как же ты прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще раз ту же песню
Пропеть?» – «Я даром дважды не пою, –
Сказала птичка, – дай мне пару детских
Сафьянных башмаков». Башмачник тотчас
Ей вынес башмаки. И, левой лапкой
Их взяв, свою опять запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и, допевши,
Спорхнула с кровли с новою добычей,
И полетела далее, и скоро
На мельницу, которая стояла
Над быстрой речкою во глубине
Прохладных долины, прилетела.
Был стук и шум от мельничных колес,
И с громом в ней молот огромный жернов;
И в воротах ее рубили двадцать
Работников дрова. На ветку липы,
Которая у мельничных ворот
Росла, спустилася птичка и запела:
«Зла мачеха зарезала меня»,
Один работник, то услышав, поднял
Глаза и перестал рубить дрова.
«Отец родной не ведает о том»;
Оставили еще работу двое.
«Сестрица же Марлиночка меня»;
Тут пятеро еще, глаза на липу
Оборотив, работать перестали.
«Близ матушки родной моей в саду»,
Еще тут восемь вслушались в песню;
Остолбеневши, топоры они
На землю бросили и на певицу
Уставили глаза; когда ж она
Умолкнула, последнее пропев:
«Под деревом тюльпанным погребла»,
Все двадцать разом кинулися к липе
И закричали: «Птичка, птичка, спой нам
Еще раз песенку твою». На это
Сказала птичка: «Дважды петь не стану
Я даром; если же вы этот жернов
Дадите мне, я запою». – «Дадим,
Дадим!» – в один все голос закричали.
С трудом великим общей силой жернов
Подняв с земли, они его надели
На шею птичке; и она, как будто
В жемчужном ожерелье, отряхнувшись,
И крылышки расправивши, запела
Звучней, чем прежде, и, допев, спорхнула
С зеленой ветви, и умчалась быстро,
На шее жернов, в правой лапке цепь,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

И в левой башмаки. И так она
На дерево тюльпанное в саду
Спустилась. Той порой отец сидел
Перед окном; по-прежнему в углу
Марлиночка; а мать на стол сбирала.
«Как мне легко! – сказал отец. – Как светел
И тепел майский день!» – «А мне, – сказала
Жена, – так тяжело, так душно!
Как будто бы собирается гроза».
Марлиночка ж, прижавшись в уголок,
Не шевелилася, сидела молча
И плакала. А птичка той порой,
На дереве тюльпанном отдохнувши,
Полетом тихим к дому полетела.
«Как на душе моей легко! – опять
Сказал отец. – Как будто бы кого
Родного мне увидеть». – «Мне ж, – сказала
Жена, – так страшно! все во мне дрожит;
И кровь по жилам льется как огонь».
Марлиночка ж ни слова; в уголку
Сидит, не шевелясь, и тихо плачет.
Вдруг птичка, к дому подлетев, запела:
«Зла мачеха зарезала меня»;
Услышав это, мать в оцепененье
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтоб не видать и не слышать; но в уши
Гудело ей, как будто шум грозы,
В зажмуренных глазах ее сверкало,
Как молния, и пот смертельный тело
Ее, как змей холодный, обвивал.
«Отец родной не ведает о том».
«Жена, – сказал отец, – смотри, какая
Там птичка! Как поет! А день так тих,
Так ясен и такой повсюду запах,
Что скажешь: вся земля в цветы оделась.
Пойду и посмотрю на эту птичку». –
«Останься, не ходи, – сказала в страхе
Жена. – Мне чудится, что весь наш дом
В огне». Но он пошел. А птичка пела:
«Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
И в этот миг цепочка золотая
Упала перед ним. «Смотрите, – он
Сказал, – какой подарок дорогой
Мне птичка бросила». Тут не могла
Жена от страха устоять на месте
И начала как в исступленье бегать
По горнице. Опять запела птичка:
«Зла мачеха зарезала меня»,
А мачеха бледнела и шептала:
«О! если б на меня упали горы,
Лишь только б этой песни не слышать!» –
«Отец родной не ведает о том»;
Тут повалилася она на землю,
Как мертвая, как труп окостенелый.
«Сестрица же Марлиночка меня...»
Марлиночка, вскочив при этом с места,
Сказала: «Побегу, не даст ли птичка
Чего и мне». И, выбежав, глазами
Она искала птички. Вдруг упали
Ей в руки башмаки; она в ладоши
От радости захлопала. «Мне было
До этих пор так грустно, а теперь
Так стало весело, так живо!» –
«Нет, – простонала мать, – я не могу
Здесь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть». И она вскочила;
На голове ее стояли дыбом,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Как пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругом ее валилось. В двери
Она в безумье кинулась... Но только
Ступила за порог, тяжелый жернов
Бух!.. и ее как будто не бывало;
На месте же, где казнь над ней свершилась,
Столбом огонь поднялся из земли.
Когда же исчез огонь, живой явился
Там братец; и Марлиночка к нему
На шею кинулась. Отец же долго
Искал жены глазами; но ее
Он не нашел. Потом все трое сели,
Усердно богу помолясь, за стол;
Но за столом никто не ел, и все
Молчали; и у всех на сердце было
Спокойно, как бывает всякой раз,
Когда оно почувствует живей
Присутствие невидимого бога.

Сказка о Иване-царевиче и сером волке
Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян
Данилович. Он царствовал премудро;
И было у него три сына: Клим –
Царевич, Петр-царевич и Иван –
Царевич. Да еще был у него
Прекрасный сад, и чудная росла
В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг
В тех яблоках царевых оказался
Великий недочет; и царь Демьян
Данилович был так тем опечален,
Что похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трех сыновей,
Он им сказал: «Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Клим –
Царевич, Петр-царевич и Иван –
Царевич, должно вам теперь большую
Услугу оказать мне; в царский сад мой
Повадился таскаться ночью вор;
И золотых уж очень много яблок
Пропало; для меня ж пропажа эта
Тошнее смерти. Слушайте, друзья:
Тому из вас, кому поймать удастся
Под яблоней ночного вора, я
Отдам при жизни половину царства;
Когда ж умру, и все ему оставлю
В наследство». Сыновья, услышав то,
Что им сказал отец, уговорились
Поочередно в сад ходить, и ночь
Не спать, и вора сторожить. И первый
Пошел, как скоро ночь настала, Клим –
Царевич в сад, и там залег в густую
Траву под яблоней, и с полчаса
В ней пролежал, да и заснул так крепко,
Что полдень был, когда, глаза продрвав,
Он поднялся, во весь зевая рот.
И, возвратясь, царю Демьяну он
Сказал, что вор в ту ночь не приходил.
Другая ночь настала; Петр-царевич
Сел сторожить под яблонею вора;
Он целый час крепился, в темноту
Во все глаза глядел, но в темноте
Все было пусто; наконец и он,
Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад.
Давно был день, когда проснулся он.
Пришед к царю, ему донес он так же,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Как Клим-царевич, что и в эту ночь
Красть царских яблок вор не приходил.
На третью ночь отправился Иван –
Царевич в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаился,
Сидел не шевелясь, глядел прилежно
И не дремал; и вот, когда настала
Глухая полночь, сад весь облеснуло
Как будто молнией; и что же видит
Иван-царевич? От востока быстро
Летит жар-птица, огненной звездой
Блестя и в день преобращая ночь.
Прижавшись к яблоне, Иван-царевич
Сидит, не движется, не дышит, ждет,
Что будет? Сев на яблоню, жар-птица
За дело принялась и нарвала
С десяток яблок. Тут Иван-царевич,
Тихохонько поднявшись из травы,
Схватил за хвост воровку; уронив
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала из рук
Царевича свой хвост и улетела;
Однако у него в руках одно
Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Казался огненным. К царю Демьяну
Пришед, Иван-царевич доложил
Ему, что вор нашелся и что этот
Вор был не человек, а птица; в знак же,
Что правду он сказал, Иван-царевич
Почтительно царю Демьяну подал
Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не стали
Красть яблок золотых, и царь Демьян
Развеселился, пополнил и начал
По-прежнему есть, пить и спать. Но в нем
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблок, чудную жар-птицу.
Призвав к себе двух старших сыновей,
«Друзья мои, – сказал он, – Клим-царевич
И Петр-царевич, вам уже давно
Пора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благословеньем
И с помощью господней поезжайте
На подвиги и наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, достаньте
Жар-птицу; кто из вас ее достанет,
Тому при жизни я отдам полцарства,
А после смерти все ему оставлю
В наследство». Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились в дорогу.
Немного времени спустя пришел
К царю Иван-царевич и сказал:
«Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович, позволь мне ехать
За братьями; и мне пора людей
Увидеть, и себя им показать,
И честь себе нажить от них и славу.
Да и тебе, царю, я угодить
Желал бы, для тебя достав жар-птицу.
Родительское мне благословенье
Дай и позволь пуститься в путь мой с богом».
На это царь сказал: «Иван-царевич,
Еще ты молод, погоди; твоя
Пора придет; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго
На свете жить; а если я один

Умру, то на кого покину свой
Народ и царство?» Но Иван-царевич
Был так упрям, что напоследок царь
И нехотя его благословил.
И в путь отправился Иван-царевич;
И ехал, ехал, и приехал к месту,
Где разделялася дорога на три.
Он на распутье том увидел столб,
А на столбе такую надпись: «Кто
Поедет прямо, будет всю дорогу
И голоден и холоден; кто вправо
Поедет, будет жив, да конь его
Умрет, а влево кто поедет, сам
Умрет, да конь его жив будет». Вправо,
Подумавши, поворотить решился
Иван-царевич. Он недолго ехал;
Вдруг выбежал из леса Серый Волк
И кинулся свирепо на коня;
И не успел Иван-царевич взяться
За меч, как был уж конь заеден,
И Серый Волк пропал. Иван-царевич,
Повесив голову, пошел тихонько
Пешком; но шел недолго; перед ним
По-прежнему явился Серый Волк
И человеческим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван-царевич, мой сердечный,
Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел,
Что на столбу написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебе я верою и правдой
Служить отныне буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты едешь и зачем?»
И Серому Иван-царевич Волку
Все рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: «Где отыскать жар-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иван-царевич, и поедем с богом».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком, и с ним он в полночь
У каменной стены остановился.
«Приехали, Иван-царевич! – Волк
Сказал, – но слушай, в клетке золотой
За этою оградю висит
Жар-птица; ты ее из клетки
Достань тихонько, клетки же отнюдь
Не трогай: попадешь в беду». Иван –
Царевич перелез через ограду;
За ней в саду увидел он жар-птицу
В богатой клетке золотой, и сад
Был освещен, как будто солнцем. Вынув
Из клетки золотой жар-птицу, он
Подумал: «В чем же мне ее везти?»
И, позабыв, что Серый Волк ему
Советовал, взял клетку; но отсюда
Проведены к ней были струны; громкий
Поднялся звон, и сторожа проснулись,
И в сад сбежались, и в саду Ивана –
Царевича схватили, и к царю
Представили, а царь (он назывался
Далматом) так сказал: «Откуда ты?
И кто ты?» – «Я Иван-царевич; мой
Отец, Демьян Данилович, владеет
Великим, сильным государством; ваша
Жар-птица по ночам летать в наш сад
Повадилась, чтоб золотые красть
Там яблоки: за ней меня послал

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович». На это царь
Далмат сказал: «Царевич ты иль нет,
Того не знаю я; но, если правду
Сказал ты, то не царским ремеслом
Ты промышляешь; мог бы прямо мне
Сказать: отдай мне, царь Далмат, жар-птицу,
И я тебе ее руками б отдал
Во уважение того, что царь
Демьян Данилович, столь знаменитый
Своей премудростью, тебе отец.
Но слушай, я тебе мою жар-птицу
Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогрива;
Принадлежит могучему царю
Афрону он. За тридевять земель
Ты в тридесятое отправься царство
И у могучего царя Афрона
Мне выпроси коня Золотогрива
Иль хитростью какой его достань.
Когда ж ко мне с конем не возвратишься,
То по всему расславлю свету я,
Что ты не царский сын, а вор; и будет
Тогда тебе великий срам и стыд».
Повесив голову, Иван-царевич
Пошел туда, где был им Серый Волк
Оставлен. Серый Волк ему сказал:
«Напрасно же меня, Иван-царевич,
Ты не послушался; но пособить
Уж нечем; будь вперед умней; поедем
За тридевять земель к царю Афрону».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком; и к ночи в царство
Царя Афрона прибыли они
И у дверей конюшни царской там
Остановились. «Ну, Иван-царевич,
Послушай, – Серый Волк сказал, – войди
В конюшню; конюха спят крепко; ты
Легко из стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь в беду».
В конюшню царскую Иван-царевич
Вошел, и вывел он коня из стойла;
Но на беду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею так, что позабыл
Совсем о том, что Серый Волк сказал,
И снял с гвоздя уздечку. Но и к ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенело; конюха вскочили;
И был с конем Иван-царевич пойман,
И привели его к царю Афрону.
И царь Афрон спросил сурово: «Кто ты?»
Ему Иван-царевич то ж в ответ
Сказал, что и царю Далмату. Царь
Афрон отвечивал: «Хороший ты
Царевич! Так ли должно поступать
Царевичам? И царское ли дело
Шататься по ночам и воровать
Коней? С тебя я буйную бы мог
Снять голову; но молодость твою
Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поезжай за тридевять земель
Ты в тридесятое отсюда царство
Да привези оттуда мне царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучего Касима; если ж мне
Ее не привезешь, то я везде расславлю,

что ты ночной бродяга, плут и вор».
Опять, повесив голову, пошел
Туда Иван-царевич, где его
Ждал Серый Волк. И Серый Волк сказал:
«Ой ты, Иван-царевич! Если б я
Тебя так не любил, здесь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поедем с богом
За тридевять земель к царю Касиму;
Теперь мое, а не твое уж дело».
И Серый Волк опять скакать с Иваном –
Царевичем пустился. Вот они
Проехали уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом царстве;
И Серый Волк, ссадив с себя Ивана –
Царевича, сказал: «Недалеко
Отсюда царский сад; туда один
Пойду я; ты ж меня дождись под этим
Зеленым дубом». Серый Волк пошел,
И перелез через ограду сада,
И закопался в куст, и там лежал
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна – с ней красные девицы,
И мамушки, и нянюшки – пошла
Прогуливаться в сад; а Серый Волк
Того и ждал: приметив, что царевна,
От прочих отделяясь, шла одна,
Он выскочил из-под куста, схватил
Царевну, за спину ее свою
Закинул и давай бог ноги. Страшный
Крик подняли и красные девицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбежался двор, министры, камергеры
И генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих
Собак борзых и гончих – все напрасно:
Уж Серый Волк с царевной и с Иваном –
Царевичем был далеко, и след
Давно простыл; царевна же лежала
Без всякого движенья у Ивана –
Царевича в руках (так Серый Волк
Ее, сердечную, перепугал).
Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсем
Очнувшись, подняла их на Ивана –
Царевича и покраснела вся,
Как роза алая; и с ней Иван –
Царевич покраснел, и в этот миг
Она и он друг друга полюбили
Так сильно, что ни в сказке рассказать,
Ни описать пером того не можно.
И впал в глубокую печаль Иван –
Царевич: крепко, крепко не хотелось
С царевною Еленюю ему
Расстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк, заметив
Их горе, так сказал: «Иван-царевич,
Извольшь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба – службишка; прямая служба
Ждет впереди». И вот они уж в царстве
Царя Афрона. Серый Волк сказал:
«Иван-царевич, здесь должны умненько
Мы поступить: я превращусь в царевну;
А ты со мной явись к царю Афрону.
Меня ему отдай и, получив

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Коня Золотогрива, поезжай вперед
С Еленю Касимовной; меня вы
Дождитесь в скрытном месте; ждате же вам
Не будет скучно». Тут, ударясь оземь,
Стал Серый Волк царевною Еленю
Касимовной. Иван-царевич, сдав
Его с рук на руки царю Афрону
И получив коня Золотогрива,
На том коне стрелой пустился в лес,
Где настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афрона
Тем временем готовилась свадьба:
И в тот же день с невестой царь к венцу
Пошел; когда же их перевенчали
И молодой был должен молодую
Поцеловать, губами царь Афон
С шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за нос укусила
Царя, и не жену перед собой
Красавицу, а волка царь Афон
Увидел; Серый Волк недолго стал
Тут церемониться: он сбил хвостом
Царя Афрона с ног и прынул в двери.
Все принялись кричать: «Держи, держи!
Лови, лови!» Куда ты! Уж Ивана –
Царевича с царевною Еленю
Давно догнал проворный Серый Волк;
И уж, сошед с коня Золотогрива,
Иван-царевич пересел на Волка,
И уж вперед они опять, как вихри,
Летели. Вот приехали и в царство
Далматово они. И Серый Волк
Сказал: «В коня Золотогрива
Я превращусь, а ты, Иван-царевич,
Меня отдав царю и взяв жар-птицу,
По-прежнему с царевною Еленю
Ступай вперед; я скоро догоню вас».
Так все и сделалось, как Волк устроил.
Немедленно велел Золотогрива
Царь оседлать, и выехал на нем
Он с свитою придворной на охоту;
И впереди у всех он поскакал
За зайцем; все придворные кричали:
«Как молодецки скачет царь Далмат!»
Но вдруг из-под него на всем скаку
Юркнул шершавый Волк, и царь Далмат,
Перекувырнувшись с его спины,
Вмиг очутился головою вниз,
Ногами вверх, и, по плеча ушедши
В распаханную землю, упирался
В нее руками, и, напрасно силясь
Освободиться, в воздухе болтал
Ногами; вся к нему тут свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потом все принялись громко
Кричать: «Лови, лови! Трави, трави!»
Но было некого травить; на Волке
Уже по-прежнему сидел Иван –
Царевич; на коне ж Золотогриве
Царевна, и под ней Золотогрив
Гордился и плясал; не торопясь,
Большой дорогою они шажком
Тихонько ехали; и мало ль, долго ль
Их длилася дорога – наконец
Они доехали до места, где Иван –
Царевич Серым Волком в первый раз
Был встречен; и еще лежали там
Его коня белеющие кости;

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

И Серый Волк, вздохнув, сказал Ивану –
Царевичу: «Теперь, Иван-царевич,
Пришла пора друг друга нам покинуть;
Я верю и правдою донине
Тебе служил, и ласкою твоею
Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду; здесь же на прощанье
Хочу тебе совет полезный дать:
Будь осторожен, люди злы; и братьям
Родным не верь. Молю усердно бога,
Чтоб ты домой доехал без беды
И чтоб меня обрадовал приятным
Известьем о себе. Прости, Иван –
Царевич». С этим словом Волк исчез.
Погоревав о нем, Иван-царевич,
С царевною Еленой на седле,
С жар-птицей в клетке за плечами, дале
Поехал на коне Золотогриве,
И ехали они дня три, четыре;
И вот, подъехавши к границе царства,
Где властвовал премудрый царь Демьян
Данилович, увидели богатый
Шатер, разбитый на лугу зеленом;
И из шатра к ним вышли... кто же? Клим
И Петр царевичи. Иван-царевич
Был встречею такую несказанно
Обрадован; а братьям в сердце зависть
Змеей вползла, когда они жар-птицу
С царевною Еленой у Ивана –
Царевича увидели в руках:
Была им мысль несносна показаться
Без ничего к отцу, тогда как брат
Меньшой воротится к нему с жар-птицей,
С прекрасною невестой и с конем
Золотогривом и еще получит
Полцарства по приезде; а когда
Отец умрет, и все возьмет в наследство.
И вот они замыслили злодейство:
Вид дружеский принявши, пригласили
Они в шатер свой отдохнуть Ивана –
Царевича с царевною Еленой
Прекрасною. Без подозренья оба
Вошли в шатер. Иван-царевич, долгой
Дорогой утомленный, лег и скоро
Заснул глубоким сном; того и ждали
Злодеи братья: мигом острый меч
Они ему вонзили в грудь, и в поле
Его оставили, и, взяв царевну,
Жар-птицу и коня Золотогрива,
Как добрые, отправились в путь.
А между тем, недвижим, бездыханен,
Облитый кровью, на поле широком
Лежал Иван-царевич. Так прошел
Весь день; уже склоняться начинало
На запад солнце; поле было пусто;
И уж над мертвым с черным вороненком
Носился, каркая и распутивши
Широко крылья, хищный ворон. Вдруг,
Откуда ни возьмись, явился Серый
Волк: он, беду великую почуяв,
На помощь подоспел; еще б минута,
И было б поздно. Угадав, какой
Был умысел у ворона, он дал
Ему на мертвое спуститься тело;
И только тот спустился, разом цап
Его за хвост; закаркал старый ворон.
«Пусти меня на волю, Серый Волк», –
Кричал он. «Не пущу, – тот отвечал, –

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Пока не принесет твой вороненок
Живой и мертвой мне воды!» И ворон
Велел лететь скорее вороненку
За мертвую и за живой водою.
Сын полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма учтиво
Стал разговаривать, и старый ворон
Довольно мог ему порассказать
О том, что он видал в свой долгий век
Меж птиц и меж людей. И слушал
Его с большим вниманьем Серый Волк
И мудрости его необычайной
Дивился, но, однако, все за хвост
Его держал и иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой и мертвой
В двух пузырьках проворный вороненок
Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона-отца пустил на волю.
Потом он с пузырьками подошел
К лежавшему недвижимо Ивану –
Царевичу: сперва его он мертвой
Водой вспырынул – и в минуту рана
Его закрылася, окостенелость
Пропала в мертвых членах, заиграл
Румянец на щеках; его он вспырынул
Живой водой – и он открыл глаза,
Пошевелился, потянулся, встал
И молвил: «Как же долго проспал я!» –
«И вечно бы тебе здесь спать, Иван –
Царевич, – Серый Волк сказал, – когда б
Не я; теперь тебе прямую службу
Я отслужил; но эта служба, знай,
Последняя; отныне о себе
Заботься сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе скажу.
Твоих злодеев братьев нет уж боле
На свете; им могучий чародей
Кощей бессмертный голову обоим
Свернул, и этот чародей навел
На ваше царство сон; и твой родитель
И подданные все его теперь
Непробудимо спят; твою ж царевну
С жар-птицей и конем Золотогривом
Похитил вор Кощей; все трое
Заклочены в его волшебном замке.
Но ты, Иван-царевич, за свою
Невесту ничего не бойся; злой
Кощей над нею власти никакой
Иметь не может: сильный талисман
Есть у царевны; выйти ж ей из замка
Нельзя; ее избавит только смерть
Кощеева; а как найти ту смерть, и я
Того не ведаю; об этом Баба
Яга одна сказать лишь может. Ты,
Иван-царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, темном лесе,
В седом, глухом бору живет в избушке
На курьих ножках; в этот лес еще
Никто следа не пролагал; в него
Ни дикий зверь не заходил, ни птица
Не залетала. Разъезжает Баба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет, след
Метлою заметает. От нее
Одной узнаешь ты, Иван-царевич,

Как смерть Кощееву тебе достать.
А я тебе скажу, где ты найдешь
Коня, который привезет тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к Бабе
Яге. Ступай отсюда на восток;
Придешь на луг зеленый; посреди
Его растут три дуба; меж дубами
В земле чугунная зарыта дверь
С кольцом; за то кольцо ты подыми
Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
Там за двенадцатью дверями заперт
Конь богатырский; сам из подземелья
К тебе он выбежит; того коня
Возьми и с богом поезжай; с дороги
Он не собьется. Ну, теперь прости,
Иван-царевич; если бог велит
С тобой нам свидеться, то это будет
Не иначе, как у тебя на свадьбе».
И Серый Волк помчался к лесу; вслед
За ним смотрел Иван-царевич с грустью;
Волк, к лесу подбежавши, обернулся,
В последний раз махнул издалика
Хвостом и скрылся. А Иван-царевич,
Оборотившись на восток лицом,
Пошел вперед. Идет он день, идет
Другой; на третий он приходит к лугу
Зеленому; на том лугу три дуба
Растут; меж тех дубов находит он
Чугунную с кольцом железную дверь;
Он подымает дверь; под тою дверью
Крутая лестница; по ней он вниз
Спускается, и перед ним внизу
Другая дверь, чугунная ж, и крепко
Она замком всяким заперта.
И вдруг, он слышит, конь заржал; и ржанье
Так было сильно, что, с петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула с ужасным стуком;
И видит он, что вместе с ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунных.
За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский заперт
Был колдуном. Иван-царевич свистнул;
Почуяв седока, на молодецкий
Свист богатырский конь из стойла прянул
И прибежал, легок, могуч, красив,
Глаза как звезды, пламенные ноздри,
Как туча грива, словом, конь не конь,
А чудо. Чтоб узнать, каков он силой,
Иван-царевич по спине его
Повел рукой, и под рукой могучей
Конь захрапел и сильно пошатнулся,
Но устоял, копыта втиснув в землю;
И человеческим голосом Ивану –
Царевичу сказал он: «Добрый витязь,
Иван-царевич, мне такой, как ты,
Седок и надобен; готов тебе
Я верю и правдою служить;
Садися на меня, и с богом в путь наш
Отправимся; на свете все дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу».
Иван-царевич в двух словах коню
Все объяснил и, севши на него,
Прикрикнул. И взвился могучий конь,
От радости заржавши, на дыбы;
Бьет по крутым бедрам его седок;
И конь бежит, под ним земля дрожит;
Несется выше он дерев стоячих,

Несется ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол,
И застигает узкий дол хвостом,
И грудью все заграды пробивает,
Летя стрелой и легкими ногами
Былиночки к земле не пригибая,
Пылиночки с земли не подымая.
Но, так скакав день целый, наконец
Конь утомился, пот с него бежал
Ручьями, весь был окружен, как дымом,
Горячим паром он. Иван-царевич,
Чтоб дать ему вздохнуть, поехал шагом;
Уж было под вечер; широким полем
Иван-царевич ехал и прекрасным
Закатом солнца любовался. Вдруг
Он слышит дикий крик; глядит... и что же?
Два Лешая дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга
Рогами тычут. К ним Иван-царевич
Подъехавши, спросил: «За что у вас,
Ребята, дело стало?» – «Вот за что, –
Сказал один. – Три клада нам достались:
Драчун-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка – нас же двое;
Как поровну нам разделиться? Мы
Заспорили, и вышла драка; ты
Разумный человек; подай совет нам,
Как поступить?» – «А вот как, – им Иван –
Царевич отвечал. – Пущу стрелу,
А вы за ней бегите; с места ж, где
Она на землю упадет, обратно
Пуститесь взапуски ко мне; кто первый
Здесь будет, тот возьмет себе на выбор
Два клада; а другому взять один.
Согласны ль вы?» – «Согласны», – закричали
Рогатые; и стали рядом. Лук
Тугой свой натянув, пустил стрелу
Иван-царевич: Лешие за ней
Помчались, выпуча глаза, оставив
На месте скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иван-царевич, взяв под мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надел спокойно шапку-невидимку,
Стал невидим и сам и конь и дале
Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова драку
Иль помириться. Богатырский конь
Поспел еще до заходенья солнца
В дремучий лес, где обитала Баба
Яга. И, въехав в лес, Иван-царевич
Дивится древности его огромных
Дубов и сосен, тускло освещенных
Зарей вечернею; и все в нем тихо:
Деревья все как сонные стоят,
Не колыхнется лист, не шевельнется
Былинка; нет живого ничего
В безмолвной глубине лесной, ни птицы
Между ветвей, ни в травке червяка;
Лишь слышится в молчанье повсеместном
Гремучий топот конский. Наконец
Иван-царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: «Избушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко мне
Стань передом». И перед ним избушка
Перевернулась; он в нее вошел;
В дверях остановясь, перекрестился
На все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился и, глазами

Избушку всю окинувши, увидел,
что на полу ее лежала Баба
Яга, уперши ноги в потолок
и в угол голову. Услышав стук
в дверях, она сказала: «фу! фу! фу!
Какое диво! Русского здесь духу
до этих пор не слыхано слыхом,
не видано видом, а нынче русский
дух уж в очах свершается. Зачем
пожаловал сюда, Иван-царевич?
Неволею иль волею? Доныне
здесь ни дубравный зверь не проходил,
ни птица легкая не пролетала,
ни богатырь лихой не проезжал;
тебя как бог сюда занес, Иван –
царевич?» – «Ах, безмозглая ты ведьма! –
сказал Иван-царевич Бабе
Яге. – Сначала накорми, напои
меня ты, молодец; да постели
постелю мне, да выпасться мне дай,
потом расспрашивай». И тотчас Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана –
царевича как следует обмыла
и выпарила в бане, накормила
и напоила, да и тотчас спать
в постелю уложила, так примолвив:
«спи, добрый витязь; утро мудренее,
чем вечер; здесь теперь спокойно
ты отдохнешь; нужду ж свою расскажешь
мне завтра; я, как знаю, помогу».
Иван-царевич, богу помолясь,
в постелю лег и скоро сном глубоким
заснул и проспал до полудня. Вставши,
умывшись, одевшись, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем
заехал к ней в дремучий лес; и Баба
Яга ему ответствовала так:
«Ах! добрый молодец Иван-царевич,
затеял ты нешуточное дело;
но не кручинься, все уладим с богом;
я научу, как смерть тебе кощея
бессмертного достать; изволь меня
послушать: на море на Окияне,
на острове великом на Буяне
есть старый дуб; под этим старым дубом
зарыт сундук, окованный железом;
в том сундуке лежит пушистый заяц;
в том зайце утка серая сидит;
а в утке той яйцо; в яйце же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
и с ним ступай к Кощею, а когда
в его приедешь замок, то увидишь,
что змей двенадцатиголовый вход
в тот замок стережет; ты с этим змеем
не думай драться, у тебя на то
дубинка есть; она его уймет.
А ты, надевши шапку-невидимку,
иди прямой дорогою к Кощею
бессмертному; в минуту он издохнет,
как скоро ты при нем яйцо раздавишь.
смотри лишь не забудь, когда назад
поедешь, взять и гусли-самогуды:
лишь их игрою только твой родитель
Демьян Данилович и все его
заснувшее с ним вместе государство
пробуждены быть могут. Ну, теперь
прости, Иван-царевич; бог с тобою;
твой добрый конь найдет дорогу сам;

Когда ж свершишь опасный подвиг свой,
То и меня, старуху, помани
Не лихом, а добром». Иван-царевич,
Простившись с Бабою Ягою, сел
На доброго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнул, конь помчался,
И скоро лес дремучий за Иваном –
Царевичем пропал вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На крае неба море Окиян.
Вот прискакал и к морю Окияну
Иван-царевич. Осмотрясь, он видит,
Что у моря лежит рыбацкий невод
И что в том неводе морская щука
Трепещется. И вдруг ему та щука
По-человечьи говорит: «Иван –
Царевич, вынь из невода меня
И в море брось; тебе я пригожуся».
Иван-царевич тотчас просьбу щуки
Исполнил, и она, хлестнув хвостом
В знак благодарности, исчезла в море.
А на море глядит Иван-царевич
В недоумении; на самом крае,
Где небо с ним как будто бы слилось,
Он видит, длинной полосой остров
Буян чернеет; он и недалек;
Но кто туда перевезет? Вдруг конь
Заговорил: «О чем, Иван-царевич,
Задумался? О том ли, как добраться
Нам до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебе корабль; сиди
На мне, да крепче за меня держись,
Да не робей, и духом доплывем».
И в гриву конскую Иван-царевич
Рукою впутался, крутые бедра
Коня ногами крепко стиснул; конь
Рассвирепел и, расскакавшись, прынул
С крутого берега в морскую бездну;
На миг и он и всадник в глубине
Пропали; вдруг раздвинулася с шумом
Морская зыбь, и вынырнул могучий
Конь из нее с отважным седоком;
И начал конь копытами и грудью
Бить по водам и волны пробивать,
И вокруг него кипела, волновалась,
И пенилась, и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками,
Под крепкие копыта загребая
Кругом ревущую волну, как легкий
На парусах корабль с попутным ветром,
Вперед стремился конь, и длинный след
Шипящею бежал за ним змею;
И скоро он до острова Буяна
Доплыл и на берег его отлогий
Из моря выбежал, покрытый пеной.
Не стал Иван-царевич медлить; он,
Коня пустив по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошел поспешным шагом к дубу,
Который рос у берега морского
На высоте муравчатого холма.
И, к дубу подошед, Иван-царевич
Его шатнул рукою богатырской,
Но крепкий дуб не пошатнулся; он
Опять его шатнул – дуб скрипнул; он
Еще шатнул его и посильнее,
Дуб покачнулся, и под ним коренья
Зашевелили землю; тут Иван-царевич

Всей силою рванул его – и с треском
Он повалился, из земли коренья
Со всех сторон, как змеи, поднялися,
И там, где ими дуб впивался в землю,
Глубокая открылась яма. В ней
Иван-царевич кованный сундук
Увидел; тотчас тот сундук из ямы
Он вытащил, висячий сбил замок,
Взял за уши лежавшего там зайца
И разорвал; но только лишь успел
Он зайца разорвать, как из него
Вдруг выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетела к морю;
В нее пустил стрелу Иван-царевич,
И метко так, что пронизал ее
Насквозь; закрикав, кувырнулась утка;
И из нее вдруг выпало яйцо
И прямо в море; и пошло, как ключ,
Ко дну. Иван-царевич ахнул; вдруг,
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на воде, потом юркнула,
Хлестнув хвостом, на дно, потом опять
Всплыла и, к берегу с яйцом во рту
Тихохонько приближась, на песке
Яйцо оставила, потом сказала:
«Ты видишь сам теперь, Иван-царевич,
Что я тебе в час нужный пригодилась».
С сим словом щука уплыла. Иван –
Царевич взял яйцо; и конь могучий
С Буяна острова на твердый берег
Его обратно перенес. И дале
Конь поскакал и скоро прискакал
К крутой горе, на высоте которой
Кощеев замок был; ее подошва
Обведена была стеной железной;
И у ворот железной той стены
Двенадцатиголовый змей лежал;
И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спали, днем
И ночью по два раза для надзора
Сменяясь; а в виду ворот железных
Никто и вдалеке остановиться
Не смел; змей подымался, и от зуб
Его уж не было спасенья – он
Был невредим и только сам себя
Мог умертвить: чужая ж сила сладить
С ним никакая не могла. Но конь
Был осторожен; он подвез Ивана –
Царевича к горе со стороны,
Противной воротам, в которых змей
Лежал и караулил; потихоньку
Иван-царевич в шапке-невидимке
Подъехал к змею; шесть его голов
Во все глаза по сторонам глядели,
Разинув рты, оскалив зубы; шесть
Других голов на вытянутых шеях
Лежали на земле, не шевелясь,
И, сном объятые, храпели. Тут
Иван-царевич, подтолкнув дубинку,
Висевшую спокойно на седло,
Щепнул ей: «Начинай!» Не стала долго
Дубинка думать, тотчас прыг с седла,
На змея кинулась и ну его
По головам и спящим и неспящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился, начал
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себе колотит да колотит;
Лишь только он одну разинет пасть,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont
чтобы ее схватить – ан нет, прошу
Не торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он
Двенадцать ртов откроет, чтоб ее
Поймать, – она по всем его зубам,
Оскаленным как будто напоказ,
Гуляет и все зубы чистит; взыв
И все носы наморщив, он зажмет
Все рты и лапами схватить дубинку
Попробует – она тогда его
Честит по всем двенадцати затылкам;
Змей в исступлении, как одурелый,
Кидался, выл, кувыркался, от злости
Дышал огнем, грыз землю – все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Без промахов, над ним свою дубинка
Работу продолжает и его,
Как на току усердный цеп, молотит;
Змей наконец озлился так, что начал
Грызть самого себя и, когти в грудь
Себе вдруг запустив, рванул так сильно,
Что разорвался надвое и, с визгом
На землю грянувшись, издох. Дубинка
Работу и над мертвым продолжать
Свою, как над живым, хотела; но
Иван-царевич ей сказал: «Довольно!»
И вмиг она, как будто не бывала
Ни в чем, повисла на седле. Иван –
Царевич, у ворот коня оставив
И разостлавши скатерть-самобранку
У ног его, чтоб мог усталый конь
Наестся и напиться вдоволь, сам
Пошел, покрытый шапкой-невидимкой,
С дубинкою на всякий случай и с яйцом
В Кощеев замок. Трудновато было
Карабкаться ему на верх горы;
Вот, наконец, добрался и до замка
Кошеева Иван-царевич. Вдруг
Он слышит, что в саду недалеко
Играют гусли-самогуды; в сад
Вошедши, в самом деле он увидел,
Что гусли на дубу висели и играли
И что под дубом тем сама Елена
Прекрасная сидела, погрузившись
В раздумье. Шапку-невидимку снявши,
Он тотчас ей явился и рукою
Знак подал, чтоб она молчала. Ей
Потом он на ухо шепнул: «Я смерть
Кошееву принес; ты подожди
Меня на этом месте; я с ним скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уедем». Тут Иван –
Царевич, снова шапку-невидимку
Надев, хотел идти искать Кощея
Бессмертного в его волшебном замке,
Но он и сам пожаловал. Приблизясь,
Он стал перед царевною Еленой
Прекрасною и начал попрекать ей
Ее печаль и говорить: «Иван –
Царевич твой к тебе уж не придет;
Его уж нам не воскресить. Но чем же
Я не жених тебе, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно ж
Упрямитесь, упрямство не поможет;
Из рук моих оно тебя не вырвет;
Уж я...» Дубинке тут шепнул Иван –
Царевич: «Начинай!» И принялась
Она трепать Кощею спину. С криком,

Как бешеный, коверкаться и прыгать
Он начал, а Иван-царевич, шапки
Не сняв, стал приговаривать: «Прибавь,
Прибавь, дубинка; поделом ему,
Собаке: не воруй чужих невест;
Не докучай своею волчьей харей
И глупым сватовством своим прекрасным
Царевнам; злого сна не наводи
На царства! Крепче бей его, дубинка!» –
«Да где ты! Покажись! – кричал Кощей. –
Кто ты таков?» – «А вот кто!» – отвечал
Иван-царевич, шапку-невидимку
Сняв с головы своей, и в то ж мгновенье
Ударил оземь он яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей бессмертный
Перекувырнулся и околел.
Иван-царевич из саду с царевной
Еленюю прекрасной вышел, взяты
Не позабывши гусли-самогуды,
Жар-птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спустились
И, севши на коней, в обратный путь
Поехали, гора, ужасно затрещав,
Упала с замком, и на месте том
Явилось озеро, и долго черный
Над ним клубился дым, распространяясь
По всей окрестности с великим смрадом.
Тем временем Иван-царевич, дав
Коням на волю их везти, как им
Самим хотелось, весело с прекрасной
Невестой ехал. Скатерть-самобранка
Усердно им дорогою служила,
И был всегда готов им вкусный завтрак,
Обед и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в полдень
Под деревом густовершинным, ночью
Под шелковым шатром, который был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. И за каждой их трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Светила им жар-птица, а дубинка
Стояла на часах перед шатром;
Кони же, подружась, гуляли вместе,
Катались по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Друг другу на спину, спокойно спали.
Так ехали они путем-дорогой
И наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ивана –
Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. И царство все, от самых
Его границ до царского дворца,
Объято было сном непробудимым;
И где они ни проезжали, все
Там спало; на поле перед сохой
Стояли спящие волы; близ них
С своим бичом, взмахнутым и заснувшим
На взмахе, пахарь спал; среди большой
Дороги спал ездок с конем, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижным клубом
Стояла; в воздухе был мертвый сон;
На деревьях листья дремали молча;
И в ветвях сонные молчали птицы;
В селеньях, в городах все было тихо,
Как будто в гробе: люди по домам,
На улицах, гуляя, сидя, стоя,
И с ними всё: собаки, кошки, куры,

В конюшнях лошади, в закутах овцы,
И мухи на стенах, и дым в трубах –
Все спало. Так в отцовскую столицу
Иван-царевич напоследок прибыл
С царевною Еленюю прекрасною,
И, на широкий взъехав царский двор,
Они на нем лежащие два трупа
Увидели: то были Клим и Петр
Царевичи, убитые Кощею.
Иван-царевич, мимо караула,
Стоявшего в параде сонным строем,
Прошед, по лестнице повел невесту
В покои царские. Был во дворце,
По случаю прибытия двух старших
Царевых сыновей, богатый пир
В тот самый час, когда убил обоих
Царевичей и сон на весь народ
Навел Кощей: весь пир в одно мгновенье
Тогда заснул, кто как сидел, кто как
Ходил, кто как плясал; и в этом сне
Еще их всех нашел Иван-царевич;
Демьян Данилович спал стоя; подле
Царя храпел министр его двора
С открытым ртом, с неконченным во рту
Докладом; и придворные чины,
Все вытянувшись, сонные стояли
Перед царем, уставив на него
Свои глаза, потухшие от сна,
С подобострастием на сонных лицах,
С заснувшею улыбкой на губах.
Иван-царевич, подошед с царевною
Еленюю прекрасною к царю,
Сказал: «Играйте, гусли-самогуды»;
И заиграли гусли-самогуды..
Вдруг все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не был прерван пир.
А царь Демьян Данилович, увидя,
Что перед ним с царевною Еленюю
Прекрасною стоит Иван-царевич,
Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал,
Глядел на сына, глаз не отводя,
И целовал его, и миловал,
И напоследок так развеселился,
Что руки в боки и пошел плясать
С царевною Еленюю прекрасною.
Потом он приказал стрелять из пушек,
Звонить в колокола и бирючам
Столице возвестить, что возвратился
Иван-царевич, что ему полцарства
Теперь же уступает царь Демьян
Данилович, что он наименован
Наследником, что завтра брак его
С царевною Еленюю свершится
В придворной церкви и что царь Демьян
Данилович весь свой народ зовет
На свадьбу к сыну, всех военных, статских,
Министров, генералов, всех дворян
Богатых, всех дворян мелкопоместных,
Купцов, мещан, простых людей и даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повел Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравленья
Им принесли все знатные чины
Обоих полов; а народ на площади
Дворцовой той порой кипел, как море;

Когда же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от крика:
«Да здравствует наш государь Демьян
Данилович с наследником Иваном –
Царевичем и с дочерью царевной
Еленюю прекрасною!» все зданья
Столицы дрогнули и от взлетевших
На воздух шапок божий день затмился.
Вот на обед все званные царем
Сошлись гости – вся его столица;
В домах остались одни больные
Да дети, кошки и собаки. Тут
Свое проворство скатерть-самобранка
Явила: вдруг она на целый город
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протянулись;
На всех столах сервиз был золотой,
И не стекло, хрусталь; а под столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всем гостям служили
Гейдуки в золотых ливреях. Был
Обед такой, какого никогда
Никто не слыхивал: уха, как жидкий
Янтарь, сверкавшая в больших кастрюлях;
Огромножирные, длиною в сажень
Из Волги стерляди на золотых
Узорных блюдах; кулебяка с сладкой
Начинкою, с груздями гуси, каша
С сметаню, блины с икрою свежей
И крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
А для питья шипучий квас в хрустальных
Кувшинах, мартовское пиво, мед
Душистый и вино из всех земель:
Шампанское, венгерское, мадера,
И ренское, и всякие наливки –
Короче молвить, скатерть-самобранка
Так отличилась, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардия была за царский стол
Приглашена, вся даже городская
Полиция – дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце
Держала караул; она ж ходила
По улицам, чтоб наблюдать везде
Порядок: кто ей пьяный попадался,
Того она толкала в спину прямо
На съезжую; кого ж в пустом где доме
За кражею она ловила, тот
Был так отшлепан, что от воровства
Навеки отрекался и вступал
В путь добродетели – дубинка, словом,
Неимоверные во время пира
Царю, гостям и городу всему
Услуги оказала. Между тем
Все во дворце кипело, гости ели
И пили так, что с их румяных лиц
Катился пот; тут гусли-самогуды
Явили все усердие свое:
При них не нужен был оркестр, и гости
Уж музыки наслышались такой,
Какая никогда им и во сне
Не грезилась. Но вот, когда, наполнив
Вином заздравный кубок, царь Демьян
Данилович хотел провозгласить
Сам многолетье новобрачным, громко
На площади раздался трубный звук;

Все изумились, все оторопели;
Царь с молодыми сам идет к окну,
И что же их является очам?
Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачет;
И та карета золотая; козлы
С подушкою и бархатным покрыты
Наметом; назади шесть гейдуков;
Шесть скороходов по бокам; ливреи
На них из серого сукна, по швам
Басоны; на каретных дверцах герб:
В червленом поле волчий хвост под графской
Короною. В карету заглянув,
Иван-царевич закричал: «Да это
Мой благодетель Серый Волк!» Его
Встречать бегом он побежал. И точно,
Сидел в карете Серый Волк; Иван –
Царевич, подскочив к карете, дверцы
Сам отворил, подножку сам откинул
И гостя высадил; потом он, с ним
Поцеловавшись, взял его за лапу,
Ввел во дворец и сам его царю
Представил. Серый Волк, отдав поклон
Царю, осанисто на задних лапах
Всех обошел гостей, мужчин и дам,
И всем, как следует, по комплименту
Приятному сказал; он был одет
Отлично: красная на голове
Ермолка с кисточкой, под морду лентой
Подвязанная; шелковый платок
На шее; куртка с золотым шитьем;
Перчатки лайковые с бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атласа шаровары;
Сафьянные на задних лапах туфли,
И на хвосте серебряная сетка
С жемчужной кистью – так был Серый Волк
Одет. И всех своим он обхождением
Очаровал; не только что простые
Дворяне маленьких чинов и средних,
Но и чины придворные, статс-дамы
И фрейлины все были от него
Как без ума. И, гостя за столом
С собою рядом посадив, Демьян
Данилович с ним кубком в кубок стукнул
И возгласил здоровье новобрачным,
И пушечный заздравный грянул залп.
Пир царский и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жар-птицу на балконе
В ее богатой клетке золотой
Поставили, и весь дворец, и площадь,
И улицы, кипевшие народом,
Яснее дня жар-птица осветила.
И до утра столица пиновала.
Был ночевать оставлен Серый Волк;
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться стал с Иваном –
Царевичем, его Иван-царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житье, и уверял,
Что всякую получит почестъ он,
Что во дворце дадут ему квартиру,
Что будет он по чину в первом классе,
Что разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану –

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Царевичу дал лапу, и Иван –
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. И во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк.
Вот наконец, по долгом, мирном, славном
Владычестве, премудрый царь Демьян
Данилович скончался, на престол
Взошел Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Достигнул, и господь благословил
Их многими детьми; а Серый Волк
Душою в душу жил с царем Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними,
Меньшим рассказывал нередко сказки,
А старших выучил читать, писать
И арифметике, и им давал
Полезные для сердца наставленья.
Вот напоследок, царствовал премудро,
И царь Иван Демьянович скончался;
За ним последовал и Серый Волк
В могилу. Но в его нашлись бумагах
Подробные записки обо всем,
Что на своем веку в лесу и свете
Заметил он, и мы из тех записок
Составили правдивый наш рассказ.
Александр Пушкин

Жених

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.
Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.
Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица – и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он, стоя, правит,
И гонит всех, и давит.
Он, поравнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! – говорит, –
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»
Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.
Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.
Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.
«Согласен, – говорит отец, –
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не всё касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».
Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет –
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет, и хохочет.
В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеную поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.
Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир.
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите
Да суд на пир зовите».
«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» – И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Пьют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.
Вот и жених – и все за стол,
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.
Жених:
А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?
Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,

И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»
«Мне снилось, – говорит она, –
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.
И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу – молчат. Зову –
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу –
В избе свеча горит; гляжу –
Везде серебро да золото,
Всё светло и богато».

Жених:

А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато.

Невеста:

Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.
Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодых,
И с ними голубица
Красавица-девица.
Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица-девица.
Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...

Жених:

А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье.

Невеста:

Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.
Сидит, молчит, не ест, не пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит.
«Ну это, – говорит жених, –
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Тегмонт

Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» –
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.
Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит, бледнея;
Смутились гости. – Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.
Сказка о попе и о работнике его Балде
Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До светла всё у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идет, и срок уж близенько.
Поп не ест, не пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
«Так и так: что делать остается?»
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь.
А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь».
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.

Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный».
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошел, сел у берега моря;
Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
– «Да вот веревкой хочу море морщить
Да вас, проклятое племя, корчить».
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
– «Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот ужо будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха».
– «Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он, как голодный котенок:
«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слышали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть – возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору –
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшего брата».
Пошел Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесенок, еще молоденек,
Со мною тягаться слабенек;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка».
Пустились бесенок и зайка:
Бесенок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок, задыхаясь,
Весь мокрешенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь – а Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

На братца поглядывает боком.
«Погоди, – говорит, – схожу за оброком».
Пошел к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!»
Старый бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
что всё море смутилось
и волнами так и расходилось.
Вылез бесенок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк –
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» – «Да жду вон этой тучки:
Зашвырну туда твою палку,
да и начну с вами, чертями, свалку».
Испугался бесенок да к деду,
рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: «Что ты хлопчешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...»
– «Нет, – говорит Балда, –
Теперь моя чередка,
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженку, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь: там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь кобылы, ан будет он мой».
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».
Сел Балда на кобылку верхом
да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесенок и к деду
Пошел рассказывать про такую победу.
Черти стали в кружок,
Делать нечего – собрали полный оброк
да на Балду взвалили мешок.
Идет Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
за попадью прячется,
со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка,
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне

Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, –
Говорит одна девица, –
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
– «Кабы я была царица, –
Говорит ее сестрица, –
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
– «Кабы я была царица, –
Третья молвила сестрица, –
я б для батюшки-царя
Родила богатыря».
Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, –
Говорит он, – будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы.
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».
В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха –
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.
В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра коня садяся,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого

Вот с чем от слова до слова:

«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».
Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».
Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую –
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю –
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян –
Так велел-де царь Салтан.
В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел – царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли –
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:

«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» – молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.
Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.
К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно, на море не тихо;
Смотрит – видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела –
Коршун в море кровь пролил.
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит –
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе – всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».
Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;

Та как ахнет!.. «То ли будет? –
Говорит он, – вижу я:
Лебедь тешитя моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный Бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают,
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.
Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой –
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чорнобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» –
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль – и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, –
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, –
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,

А комар-то злится, злится –
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.
Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» –
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка –
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренной душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий –
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, – молвил он, –
Ай да лебедь – дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велют.
Пристают к заставе гости;

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок –
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь – а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль – и в щель залез.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана –
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной –
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам вестъ;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон – то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» – и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» –

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает –
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».
– «А какое ж это диво?»
– «Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».
Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму – и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят –
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге –
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе золотой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;

Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить –
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон». Царь
Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу – но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится –
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится –
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» –
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу».
– «А кого же на примете
Ты имеешь?» – «Да на свете,
Говорят, царевна есть,

Что не можно глаз отвести.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает –
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом –
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта – я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах

На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости.
Он их кормит и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался –
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом:
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые.
Ядра – чистый изумруд;

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор –
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блесит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался». —
Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? –
Говорит он не шутя. –
Нынче ж еду!» – Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.
Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва-едва трепещет.
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,

Ничего не говоря.
Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавицы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкий:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале – торопливо
Смотрят – что ж? княгиня – диво:
Под косой луна блеснит,
А во лбу звезда горит:
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит – и узнает...
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» – и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодницу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел – царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил –
И усы лишь обмочил.
Сказка о рыбаке и рыбке
Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, –
Пришел невод с одною тиною.
Он в другой раз закинул невод, –
Пришел невод с травою морскою.
В третий раз закинул он невод, –
Пришел невод с одною рыбкой,
С не простою рыбкой, – золотою.
Как взмолился золотая рыбка!
Голосом молвит человеческим:
«Отпусти ты, старче, меня в море!
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую

И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».
Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколосось».
Вот пошел он к синему морю;
Видит, – море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рылке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».
Вот пошел он к синему морю,
(Помутилось синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рылке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».
Пошел старик к синему морю;

(Неспокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».
Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.
Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонись рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? –
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».
Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»
Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, – испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!

Ну теперь твоя душенька довольна?»
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»
Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась.
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтобы служила мне рыбка золотая
и была б у меня на посылках».
Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
и была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
и ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился –
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях
Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядячи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.

На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.
Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась – и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.
На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилась с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком–то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь–то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:

Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне равной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.
Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься. Бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? – сказала ей царица, –
Где красавица-девица?»
– «Там, в лесу, стоит одна, –
Отвечает ей она, –
Крепко связаны ей локти;
Попадетса зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо:
Дверь тихонько отворилась.
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,

Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.
Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил:
«Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса,
А хозяйшкой она

В терему меж тем одна
Приберет и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.
Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так Бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»
«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, –
Им царевна говорит, –
Коли лгу, пусть Бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».
Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, –
Старший молвил, поклонясь, –
Коли так, не заикнуся
Уж о том». – «Я не сержуся, –
Тихо молвила она, –
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!..»

Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.
Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко, –
Ей кричит она в окошко, –
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопчет!
Выдь ко мне». – Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги – и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выпался он худо, –
Ей царевна говорит, –
На ж, лови!» – и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую, – сказала. –
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ – поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свет
Благодарствуй за обед», –
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воеет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! – Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» – и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,

К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...
Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажется. «Не к добру! –
Братья молвили, – печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили – и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили,
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе.
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима –
Не досталась никому,
Только гробу одному».
В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».
За невестою своею

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Свет ты мой, –
Красно солнце отвечало, –
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил».
Темной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Братец мой, –
Отвечает месяц ясный, –
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала». – «Как обидно!» –
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее». – «Постой, –
Отвечает ветер буйный, –
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.

Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста».
Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубят уже молва:
Дочка царская жива!
Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.
Сказка о золотом петушке
Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, –
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, – лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, –
Молвил он царю, – на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смиренно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, –
Говорит он в восхищенье, –
Волю первую твою
Я исполню, как мою».
Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!
Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смиренно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! отец народа! –
Возглашает воевода, –
Государь! проснись! беда!»
– «Что такое, господа? –
Говорит Дадон, зевая, –
А?.. Кто там?.. беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, – ан на спице,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.
Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, –
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Сам, не зная, быть ли проку.
Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По протоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,

Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.
Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, –
Все бегут за колесницей,
За дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он:
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, –
Молвил царь ему, – что скажешь?
Подь поближе. Что прикажешь?»
– «Царь! – отвечает мудрец, –
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? – старцу молвил он, –
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
– «Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», –
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. – Вся столица
Содрогнулась, а девица –
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, зная, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот – въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,

К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон –
Охнул раз, – и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.
Царь Никита и сорок его дочерей
Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился Богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,
Сорок девушек прелестных,
Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка – боже мой,
А головка, темный волос,
Чудо – глазки, чудо – голос,
Ум – с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Душу, сердце все пленяло;
Одного недоставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Все равно – недоставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?... Помогите мне, Бог!
У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно, –
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?... Ничего!..
Ничего иль очень мало...
И того-то не бывало
У царевен молодых,
Шаловливых и живых.
Их чудесное рожденье
Привело в недоуменье
Все придворные сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальных.
А от бабок повивальных
Как узнал о том народ –
Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
И иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь созвал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных –
Им держал такой приказ:
«Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,

Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что у них недостает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет, –
То – шутить я не привык –
Бабам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой бывает туже».
Царь был строг, но справедлив,
А приказ красноречив;
Всяк со страхом поклонился,
Остеречься всяк решился,
Ухо всяк держал остро
И хранил свое добро.
Жены бедные боялись,
Чтоб мужья не проболтались;
Втайне думали мужья:
«Провинись, жена моя!»
(Видно, сердцем были гневны).
Подросли мои царевны.
Жаль их стало. Царь – в совет;
Изложил там свой предмет:
Так и так – довольно ясно,
Тихо, шепотом, негласно,
Осторожнее от слуг.
Призадумались бояры,
Как лечить такой недуг.
Вот один советник старый
Поклонился всем – и вдруг
В лысый лоб рукою брякнул
И царю он так вавакнул:
«О, премудрый государь!
Не взыщи мою ты дерзость,
Если про плотскую мерзость
Расскажу, что было встарь.
Мне была знакома сводня
(Где она? и чем сегодня?
Верно тем же, чем была).
Баба ведьмою слыла,
Всем недугам пособляла,
Немощь членов исцеляла.
Вот ее бы разыскать;
Ведьма дело все поправит:
А что надо – то и вставит».
– «Так за ней сейчас послать! –
Восклицает царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
– Тотчас ведьму отыскать!
Если ж нас она обманет,
Чего надо не достанет,
На бобах нас проведет,
Или с умыслом солжет, –
Будь не царь я, а бездельник,
Если в чистый понедельник
Сжечь колдунью не велю:
И тем небо умолю».
Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачут, всюду рыщут
И царю колдунью ищут.
Год проходит и другой –
Нету вести никакой.
Наконец один ретивый
Вдруг напал на след счастливый.
Он заехал в темный лес

(Видно, вел его сам бес),
Видит он: в лесу избушка,
Ведьма в ней живет, старушка.
Как он был царев посол,
То к ней прямо и вошел,
Поклонился ведьме смело,
Изложил царево дело:
Как царевны рождены
И чего все лишены.
Ведьма мигом все смекнула...
В дверь гонца она толкнула,
Так примолвив: «Уходи
Поскорей и без оглядки,
Не то – бойся лихорадки...
Через три дня приходи
За посылкой и ответом,
Только помни – чуть с рассветом».
После ведьма заперлась.
Уголочком запаслась,
Трое суток ворожила,
Так что беса приманила.
Чтоб отправить во дворец,
Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Все отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла,
Их в салфетку завернула
И на ключ в ларец замкнула,
С ним отправила гонца,
Дав на путь серебреца.
Едет он. Заря зарделась...
Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить,
Жажду водкой утолить:
Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздал
И покойно кушать стал.
Конь пасется. Он мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.
Что же ларчик заключает?
Что царю в нем ведьма шлет?
В щелку смотрит: нет, не видно,
Заперт плотно. Как обидно!
Любопытство страх берет
И всего его тревожит.
Ухо он к замку приложит –
Ничего не чует слух;
Нюхает – знакомый дух...
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотреть ей-ей не худо.
И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички – порх и улетели,
И кругом на сучьях сели,
И хвостами завертели.
Наш гонец давай их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет – все напрасно
(Видно, кормятся не тем):
На сучках им петь прекрасно,
А в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,

Вся согнувшись дугой,
Баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:
«Пропаду я с головой!
Помоги, будь мать родная!
Посмотри, беда какая:
Не могу их изловить!
Как же горю пособить?»
Вверх старуха посмотрела,
Плюнула и прошипела:
«Поступил ты хоть и скверно,
Но не плачься, не тужи...
Ты им только покажи –
Сами все слетят наверно».
– «Ну, спасибо!» – он сказал.
И лишь только показал –
Птички вмиг к нему слетели
И квартирой овладели.
Чтоб беды не знать другой,
Он без дальних отговорок
Тотчас их под ключ, все сорок,
И отправился домой.
Как княжны их получили,
Прямо в клетки посадили.
Царь на радости такой
Задал тотчас пир горой:
Семь дней сряду пировали,
Целый месяц отдыхали;
Царь совет весь наградил,
Да и ведьму не забыл:
Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок
(Тот, который всех дивил),
Две ехидны, два скелета
Из того же кабинета...
Награжден был и гонец.
Вот и сказочки конец.
Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят:
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.
Евгений Боратынский
Переселение душ
Зевес, любя семью людскую,
Попарно души сотворил
И наперед одну мужскую
С одною женской согласил.
Хвала всевышней благодетельнице!
Но в ней нам мало пользы ныне:
Глядите! ныне род людской
Размножась, облил шар земной:
Куда пойду? мечтаешь с горем,
На хладный север, знойный юг?
За Белым, иль за Черным морем
Блуждаешь ты, желанный друг?
Не всё. Задача есть другая.
Шатаясь по свету, порой
Столкнешься с родственной душой
И рад; но вот беда какая:
Душа родная – нос чужой!..
И посторонний подбородок!..
Враждуют чувства меж собой:
Признаться, способ мировой
Находкой был бы из находок!
Но он потерян между нас,
О нем живет один рассказ.
В земле, о коей справедливо
Нам чудеса вещает старь,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

В Египте жил–был славный царь,
Имел он дочь – творенья диво,
Красот подсолнечных алмаз,
Любовь души, веселье глаз:
Челом белее лилий Нила;
Коралла пышного морей
Устами свежими алей;
Яснее дневного светила
Улыбкой ясною своей.
В пределах самых отдаленных
Носилась ее хвала
И женихами привела
К ней полк царей иноплеменных.
И Мемфис град заликовал!
В нем пир за пиром восставал:
Светла, прелестна, восседая
В кругу любовников своих,
Моя царевна молодая
Совсем с ума сводила их.
И всё бы ладно шло; но что же?
Всегда веселая, она
Вдруг стала пасмурна, грустна,
Так что на дело не похоже.
К своим высоким женихам
Вниманье вовсе прекратила
И кроме колких эпиграмм
Им ничего не говорила.
Какая же была вина,
Что изменилась так она?
Любовь. Случайною судьбою
Державный пир ее отца
Украсить лирною игрою
Призвали юного певца:
Не восхвалял он Озирида,
Не славил Аписа быка,
Любовь он пел, о Зораида!
И песнь его была сладка,
Как вод согласное журчанье,
Как нежных горлиц воркованье,
Как томный ропот ветерка,
Когда, в полудень воспаленный
Лобзает он исподтишка
Цветок, роскошно усыпленный.
Свершился вышний приговор,
Свершился! никакою силой
Неотразимый, с этих пор
Пред ней носился образ милой;
С тех пор в душе ее звучал,
Звучал всечасно голос нежной,
Ее питал, упоевал
Тоскою сладкой и мятежной!
«Как глупы эти дикари,
Разноплеменные цари!
И как прелестен он!» вздыхая,
Мечтала дева молодая.
Но между тем летели дни;
Решенья гости ожидали,
Решенья не было. Они
Уже сердиться начинали.
Сам царь досадою вскипел;
Он не охотник был до шуток
И жениха, чрез трое суток,
Избрать царевне повелел.
Была как громом речью гневной
Младая дочь поражена.
На что ж, в судьбе своей плачевной
Решилась бедная она!
Рыдала долго Зораида,

Взрывала сердце ей обида,
Взрывала сердце ей печаль;
Вдруг мысль в уме ее родилась:
Лицем царица прояснилась
И шепчет: «ах, едва ль, едва ль...
Но что мы знаем? статься может,
Он в самом деле мне поможет».
Вам рассказать я позабыл,
Что в эту пору, мой читатель,
Столетний маг в Мемфисе был,
Изида вещей толкователь.
Он, если не лгала молва,
Проник все тайны естества.
На то и жил почтенный дядя;
Отвергнув мира суету,
Не пил, не ел, не спал он, глядя
В глаза священному коту.
И в нем-то было упование;
К нему-то, милые друзья,
Решилась на совещанье
Идти красавица моя.
Едва редет мгла ночная,
И, пробуждаться начиная,
Едва румянится восток;
Еще великой Мемфис дремлет
И утро нехотя приемлет,
А уж покинув свой чертог,
В простой и чуждой ей одежде,
Но страха тайного полна,
Доверясь ветреной надежде,
Выходит за город она.
Перед очами Зораиды
Пустыня та, где пирамиды
За пирамидами встают
И (величавые гробницы)
Гигантским кладбищем ведут
К стопам огромной их царицы.
Себе чудаку устроил тут
Философический приют.
Блуждает дева молодая
Среди столицы гробовой:
И вот приметен кров жилой,
Над коим пальма вековая
Стоит, роскошно помавая
Широколиственной главой.
Царица видит пред собой
Обитель старца. Для чего же
Остановилась она,
Внезапно взором смущена
И чутким ухом настороже?
Что дланью трепетной своей
Объемлет сердце? что так пышет
Ее лице? и грудь у ней,
Что так неровно, сильно дышит?
Приносит песнь издалека
Ей дуновенье ветерка.
Песня
Зачем от раннего рассвета
До поздней ночи я пою
Безумной птицей, о Ниэта!
Красу жестокою твою?
Чужда, чужда ты сожаленья:
Звезда взойдет, звезда зайдет;
Сурова ты, а мне забвенья
Бессильный лотос не дает.
Люблю, любя в могилу сниду;
Несокрушима цепь моя:
Я видел диво-Зораиду

И не забыл Ниэты я.
Чей это голос? Вседержитель!
Она ль его не узнает!
Певец, души ее пленитель,
Другую пламенно поет!
И вот что боги ей судили!
Уж ей колена изменили,
Уж меркнет свет в ее очах,
Без чувств упала бы во прах;
Но нашей деве в то мгновенье
Предстало чудное виденье.
Глядит: в одежде шутовской
Бредет к ней старец гробовой.
Паяс торжественный и дикий,
Белобородый, желтоликий,
В какой-то острой шапке он,
Пестреет множеством каракул
На нем широкий балахон:
То был почтенный наш оракул.
К царевне трепетной моей
Подходит он; на темя ей
Приветно руку налагает,
Глядит с улыбкою в лицо,
И ободрительно вещает:
«Прими чудесное кольцо:
Ты им, о дева! уничтожишь
Хитросплетенный узел твой;
Кому на перст его возложишь,
С тем поменяешься звездой.
Иди, и мудрость Озирида
Наставит свыше мысль твою.
Я даром сим, о Зораида,
Тебе за веру воздаю».
Возвращена в свои чертоги,
Душою, полная тревоги,
Царевна думает: «Во сне
Все это чудилось мне?
Но нет, не сновиденье это!
Кольцо на палец мой надето
Почтенным старцем: вот оно.
Какую ж пользу в нем найду я?
Он говорил, его даруя,
Так бестолково, так темно».
Опять царевна унывает,
Недоумения полна;
Но вот невольниц призывает
И отыскать повелевает
Свою соперницу она.
По повелению другому,
Как будто к празднику большому
Ее чертоги убраны;
Везде легли ковры богаты
И дорогие ароматы
Во всех кадилах возжены,
Все водометы пущены;
Блистают редкими цветами
Ряды узорчатых кошниц,
И полон воздух голосами
Дальноземельных, чудных птиц;
Всё негой сладостною дышит,
Всё дивной роскошью пышет.
На троне, радостным венцом,
Порфирой светлою блистая,
Сидит царевна молодая,
Окружена своим двором.
Вотще прилежно наблюдает
Ее глаза смущенный двор,
И угадать по ним желает,

Что знаменует сей позор:
Она в безмолвии глубоком,
Как сном объятая, сидит
И неподвижным, мутным оком
На двери дальние глядит.
Придворные безмолвны тоже.
Дверь отворилась: «Вот она!»
Лицем бледнее полотна,
Царевна вскрикнула. Кого-же
Узрела, скорбная душой,
В толпе невольниц пред собой?
Кого? – пастушку молодую,
Собой довольно недурную,
Но очень смуглую лицом,
Глазами бойкую и злую,
С нахмуренным, упрямым лбом.
Царевна смотрит и мечтает:
«Она и мне предпочтена!»
Но вот придворных высылает
И остается с ней одна.
Царевна первого привета
Искала долго, наконец,
Печально молвила: «Ниэта!
Ты видишь: пышен мой дворец,
В жемчуг и золото я одета,
На мне порфира и венец;
Я красотой диво света,
Очарование сердец!
Я всю славою земною
Наделена моей звездой:
Чего желать могла бы я?
И что ж, Ниэта, в скорби чудной,
Милее мне твой жребий скудной,
Милее мне звезда твоя.
Ниэта, хочешь ли, с тобою
Я поменяю звездою?»
Мудрен царевнин был привет,
Но не застенчива природно:
«Как вашей милости угодно»,
Ниэта молвила в ответ.
Тогда на палец ей надела
Царевна дивное кольцо.
Закрывать смущенное лицо
Руками, бедная, хотела;
Но что же? в миг волшебный сей
Моя царевна оживилась
Душой Ниэтиной; а в ней
Душа царевны очутилась.
И быстрым чудом бытие
Переменив, лице свое
Закрывает дурочка степная,
Царевна же, наоборот
Спустила руки на живот,
Рот удивленный разевая.
Где Зораида, где она?
Осталась тень ее одна.
Когда ж лице свое явила
Ниэта, руки опустя,
(О как обеих их шутя
Одна минута изменила!),
Блистало дивной красотой
Лице пастушки молодой:
Во взорах чувство выражалось,
Горела нежная мечта,
Для слова милого, казалось,
Сейчас откроются уста,
Ниэта та же, да не та.
Так из-за туч луна выходит,

Вдруг озаряя небеса:
Так зелень свежую наводит
На рощи пыльные роса.
С главой поникшею Ниэта,
С невольным пламенем лица,
Тихонько вышла из дворца
И о судьбе ее до света
Не доходил уж слух потом.
Так что ж? о счастья прямом
Проведать людям неудобно;
Мы знаем, свойственно ему
Любить хранительную тьму,
И драгоценное подобно
В том драгоценному всему.
Где искрометные рубины,
Где перлы светлые нашли?
В глубоких пропастях земли,
На темном дне морской пучины.
А что с царевною моей?
Она с плотнейшим из князей
Великолепно обвенчалась.
Он с нею ладно жил, хотя
В иное время, не шутя,
Его супруга завиралась,
И даже под сердитый час,
Она, возвыся бойкой глас,
Совсем ругательски ругалась:
Он не роптал на то ничуть,
Любил житье-бытье простое,
И сам, где надо, завернуть
Не забывал словцо лихое.
По-своему до поздних дней
Душою в душу жил он с ней.
Что я прибавлю, друг мой нежной?
Жизнь непогодою мятежной,
Ты знаешь, встретила меня;
За бедством бедство подымалось;
Век над главой моей, казалось,
Не взыдет радостного дня.
Порой смирял я песнопеньем
Порыв болезненных страстей;
Но мне тяжелым вдохновеньем
Была печаль души моей.
Явилась ты, мой друг бесценный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздор болтаю я.
Прими мой труд непринужденный!
Счастливым светом озаренный
Души, свободной от забот,
Он твой достаток справедливой:
Он первый плод мечты игривой,
Он новой жизни первый плод.

Михаил Лермонтов
Сказка для детей

1

Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок;
Поэты в том виновны не совсем
(Хотя у многих стих не вовсе гладок);
И публика не права между тем.
Кто виноват, кто прав – уж я не знаю,
А сам стихов давно я не читаю –
Не потому, чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для звучных строф
Златое время... в нашем веке зрелом,
Известно вам, все заняты мы делом.

2

Стихов я не читаю – но люблю
Марать, шутя, бумаги лист летучий;
Свой стих за хвост отважно я ловлю;
Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм – как например на ю.
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшебнo-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избежать;
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.

3

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело всё, что ново!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.
Бог знает где заветная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ее листов – и слышно: с'est joli?..[4]
Иль мышь над ней старается в пыли?..
Но этот черт совсем иного сорта –
Аристократ и не похож на черта.

4

Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню: розовые шторы
Опущены, с трудом лишь может глаз
Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,
И, девственным дыханьем напоенный,
Огнем в лицо вам пышет воздух сонный;
Вот ручка, вот плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуется молодой, но строгий профиль...
И на него взирает Мефистофель.

5

То был ли сам великий Сатана
Иль мелкий бес из самых нечиновных,
Которых дружба людям так нужна
Для тайных дел, семейных и любовных?
Не знаю! Если б им была дана
Земная форма, по рогам и платью
Я мог бы сволочь различить со знатью;
Но дух – известно, что такое дух!
Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух –
И мысль – без тела – часто в видах разных;
(Бесов вообще рисуют безобразных).

6

Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побуждений.
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ; меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебнo-сладкой красотою,
Что было страшно... и душа тоскою
Сжималась – и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет.
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделался – стихами!

7

Оружие отличное: врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой...
Вам насолить захочется ль друзьям?
Пустите в них поэмой или драмой!
Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хитрый демон.
Невинным сном был тронут не совсем он.
Не мудрено: кипела в нем не кровь,

И понимал иначе он любовь;
И речь его коварных искушений
Была полна: ведь он недаром гений!

8

«Не знаешь ты, кто я – но уж давно
Читаю я в душе твоей; незримо,
Неслышно говорю с тобою, – но
Слова мои, как тень, проходят мимо
Ребяческого сердца, – и оно
Дивится им спокойно и в молчанье, –
Пускай! Зачем тебе мое название?
Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь, – но я люблю
По-своему... терпеть и ждать могу я,
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

9

«Когда ты спишь, о ангел мой земной,
И шибко бьется девственною кровью
Младая грудь под грезю ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,
Любуюсь – и говорю с тобой;
И в тишине, наставник твой случайный,
Чудесные рассказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан...

10

«Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные звуки,
Как грешных снов нескромные слова,
Неясно раздавались – и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.

11

«Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснились, как тени,
И в пене вод гранитных крылец их
Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые,
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

12

«И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидел с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею лампадой,
И страшных тайн везде печальный ряд;
Я стал ловить блуждающие звуки,
Веселый смех и крик последней муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви – бесстыдное желанье;
Везде – обман, безумство иль страданье!

13

«Но близ Невы один старинный дом
Казался полн священной тишиною.
Всё важностью наследственной в нем
И роскошью дышало вековою;

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Украшен был он княжеским гербом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балконы
Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резьбой;
И окон ряд, всегда прозрачно-темных,
Манил, пугая взор очей нескромных.

14

«Пора была, боярская пора!
Теснилась знать в роскошные покои –
Былая знать минувшего двора,
Забытых дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких окон,
Напудренный мелькал и вился локон;
И часто ножка с красным каблучком
Давала знак условный под столом;
И старики в звездах и бриллиантах
Судили резко о тогдашних франтах.

15

«Тот век прошел, и люди те прошли.
Сменили их другие; род старинный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,
Забытые, тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бывалый,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели... Тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в нем,
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нравы.

16

«Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо;
Всегда молчал; ходил до двух часов,
Обедал, спал... да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острых слов
Перебирал или читал Вольтера.
Как быть? Сильна к преданьям в людях вера!..
Имел он дочь четырнадцати лет;
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;
Сидела чинно и держалась прямо.

17

«Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, как ландыш за стеклом
Или скорей как бледный цвет подснежный.
Она была стройна, но с каждым днем
С ее лица сбегали жизни краски,
Задумчивей большие стали глазки;
Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,
И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18

«Тогда она сходила в длинный зал,
Но бегать в нем ей как-то страшно было
И как-то странно детский шаг звучал
Между колонн; разрытою могилой
Над юной жизнью воздух там дышал.
И в зеркалах являлись предметы
Длиннее и бесцветнее, одеты
Какой-то мертвой дымкою; и вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, тише...
(То были тени предков – или мыши!)

19

«И что ж? – она привыкла толковать
По-своему развалин говор странный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туманный,
Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский лепет
Подслушивать, невинной груди трепет
Следить, ее дыханием с немой,
Мучительной и жадною тоской,
Как жизнью, упиваться... это было
Смешно! – но мне так ново и так мило!

20

«Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля, иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль. Все ее движенья
Особого казались выраженья
Исполнены. Но с самых детских дней
Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе;
И было темно в них, как в синем море.

21

«Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано всё понятно.
Для мук и счастья, для добра и зла
В них пищи много; – только не возвратно
Они идут, куда их повела
Случайность, без раскаянья, упреков
И жалобы. Им в жизни нет уроков;
Их чувствам повторяться не дано...
Такие души я любил давно
Отыскивать по свету на свободе:
Я сам ведь был немножко в этом роде!

22

«Ее смущали странные мечты.
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесноты;
На платье чудесные узоры
Виднелись ей, – и вот гремели шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил;
И вот она кружилась в вихре бала
И, утомясь, на кресла упала...

23

«И тут она, склонив лукавый взор
И выставив едва приметно ножку,
Двусмысленный и темный разговор
С ним завести старалась понемножку;
Сначала был он весел и остёр,
А иногда и чересчур небрежен;
Но под конец зато как мил и нежен!
Что делать ей? – притворно-строгий взгляд
Его, как гром, отталкивал назад,
А сердце билось в ней так шибко, шибко,
И по устам змеилась улыбка.

24

«Пред зеркалом, бывало, целый час
То волосы пригладит, то красивый
Цветок прищипит к ним; движенью глаз,
Головке наклоненной вид ленивый
Придав, стоит... и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лукавый;
Но ум ее и сметливый и здравый
Отгадывал всё мигом сам собой;

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Так годы шли безмолвной чередой;
И вот настал тот возраст, о котором
Так полны ваши книги всяким вздором.

25

«То был великий день: семнадцать лет!
Всё, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик-отец послал за старой теткой,
И съехались родные на совет.
Их затруднял удачный выбор бала.
Что? будет двор иль нет? – Иных пугала
Застенчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригинальный;
Потом наряд осматривали бальный.

26

«Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была, как в лихорадке;
Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах перчатки
Разорвала... со страхом и тоской
Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной тревогой;
И, выходя, споткнулась на крыльце.
И с бледностью печальной на лице
Вступила в залу... Станный шепот встретил
Ее явление: свет ее заметил.

27

«Кипел, сиял уж в полном блеске бал.
Тут было всё, что называют светом...
Не я ему название это дал,
Хоть смысл глубокий есть в названье этом.
Своих друзей я тут бы не узнал;
Улыбки, лица лгали так искусно,
Что даже мне чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотел я, – но едва
Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и мнений –
Эпиграфы неведомых творений!..»

.
Петр Ершов
Конёк-горбунок
Часть первая
Начинается сказка сказываться.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.
В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать –

Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами побережь,
Злого вора подстеречь.
Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сеник.
Ночь проходит, день приходит;
С сеника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери открыли,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, все благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом».
Стало сызнова смеркаться,
Средний брат пошел сбираться;
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать –
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отприте;
Ночью страшный был мороз –
До животиков промерз».
Братья двери открыли,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;

Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, все благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»
Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли;
Он ни с места. Наконец
Подшел к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.
Ночь настала; месяц всходит;
Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуточку улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребет –
Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост –
Крепко держится за хвост.
Наконец она устала.
«Ну, Иван, – ему сказала, –
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:

По три утренни зари
Выпущай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней –
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».
«Ладно», – думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
«Ходил молодец на Пресню».
Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» –
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери открыли,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, –
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звезды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, –
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожа, словно как у кошки,
А глаза-то – что те плошки!
Вот и стал тот черт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею –
И вскочил ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах.
Бился, бился мой хитрец

И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертенку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли – захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не смог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться,
Хоть смеяться – так оно
Старикам уж и грешно.
Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, –
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, –
Ведь за ними не бежать..
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? – Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» –
Говорит себе Данило..
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.
Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? –
Старший среднему сказал, –
Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается,
Ты ж хоть лоб себе разбей,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьешь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Не достанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чудную зверушку.
Время катит чередом,
Час за часом, день за днем, –
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдет ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.
Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Все по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал.
Да какой вас черт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»
Тут конек ему заржал.
«Не тужи, Иван, – сказал, –
Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю,
Ты на черта не клепи:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,

Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу,
Так и беса настигу».
Тут конек пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загребки берет,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-конек встряхнулся,
Встал на лапки, встrepенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами,
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.
Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться – дело наше!
Но возьми же ты в расчет
Некорыстный наш живот.
Сколь пшеницы мы не сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намердншнюю ночь –
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы решили,
Наконец вот так вершили,
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублей.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову –
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик не может,
Работать уже не может,
А ведь надо ж мыкать век, –
Сам ты умный человек!» –
«Ну, коль этак, так ступайте, –
Говорит Иван, – продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.
Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что Боже даст,
Кто во что из них горазд.
Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил.
На Гаврилу он взглянул,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Левым глазом подмигнул
И, прикашлянув легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как темно! – он сказал. –
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Все бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... Мне сдается,
Что дымок там светлый вьется...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали –
Поминай его, как звали!»
Все пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьет в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! –
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. –
Что за бес такой под ним!»
Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится,
Диву дался тут Иван:
«Что, – сказал он, – за шайтан!
Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо огонек!»
Говорит ему конек:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою». –
«Говори ты! как не так!» –
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час,
Нет ведь, черт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,

Вплоть до утра прохрапел.
Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.
В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий –
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатай,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому
Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещеный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.
Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрят – давка от народу,
Нет ни выхода, ни входу;
Так кишма вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй вы, черти, босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!»
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.
Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тер себе затылок.
«Чуден, – молвил, – Божий свет,
Уж каких чудес в нем нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престоного всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору

Доложить о всем царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.
Приезжает во дворец,
«Ты помилуй, царь-отец! –
Городничий восклицает
И всем телом упадает. –
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно». –
«Как умею, расскажу:
Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность...» – «Знаю, знаю!» –
«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю – тьма народу!
Ну, ни выходу, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал,
Так и сталось, царь-надежа!
И поехал я, – и что же?..
Предо мною конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты». –
Царь не мог тут усидеть.
«Надо коней поглядеть, –
Говорит он, – да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царем стрельцов отряд.
Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура!» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовет,
По спине их тихо бьет,
Треплет шею им крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин – тоже я». –
«Ну, я пару покупаю;
Продаешь ты?» – «Нет, меняю». –
«Что в промен берешь добра?» –
«Два-пять шапок серебра». –
«То есть это будет десять». –
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,

Дал вприбавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!
Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.
Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не дается;
Делать нечего, придется
Во дворце тебе служить;
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» – «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»
Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его – горбатко –
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.
Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.
Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь на службе царской
При конюшне государской;
Как в суседки он попал,
Как перо свое проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послом,
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царем.
Часть вторая
Скоро сказка сказывается, А не скоро дело делается.

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещега каурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот –
Сказка чередом пойдет.
Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!
Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшной надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»
Так, неделей через пять,
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всем том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,

Челки собраны в пучок,
Шерсть – ну, лоснится, как шелк;
В стойлах – свежая пшеница,
Словно тут же и рождается,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
«Что за притча тут такая? –
Спальник думает, вздыхая. –
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовый?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить, –
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской –
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкой держит крест
И постами мясо ест».
В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.
Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мертв лежит,
Сам молитвы все творит,
Ждет суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет
И из шапки той берет
В три завернутый тряпицы
Царский клад – перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколичивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовый.
Что за бес! нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян, –
Ну, точнехонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового..
«Э! так вот что! – наконец
Проворчал себе хитрец. –
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.

Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
что беда ему такая
угрожает, все плетет
Гривы в косы да поет;
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярова пшена.
Тут зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо – и лег
У коней близ задних ног.
Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватъ перо – и след простыл.
Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». –
«Говори, не прибавляя, –
Царь сказал ему, зевая, –
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро –
Жароптицево перо...» –
«Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел, такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..» –
«Да и то ль еще он знает! –
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись. – Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым,
Ко кровати подошел,
Подал клад – и снова в пол.
Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив свое веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! Позвать мне дурака!»
И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,

Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругорядь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.
Вот к конюшне прибегают,
Двери настезь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчасца над ним возились,
Но его не добудились,
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.
«Что за челядь тут такая? –
Говорит Иван, вставая. –
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана!»
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать». –
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюсь», –
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил
Словно утица поплыл.
Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал ему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро –
Жароптицево перо?
Что я – царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты – ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки, –
Нет пера, да и шабалки!..» –
«Отвечай же! Запору!..» –
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел еще переться?
Да уж нет, не отвертеться!

«Что это? А?» Тут Иван,
Задрожав, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? –
Молвил царь. – Постой-ка, брат!..»
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случая
я вину тебе прощаю, –
Царь Ивану говорит. –
Я, помилуй Бог, сердит!
И с сердцов иной порою
чуб сниму, и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
я узнал, что ты Жар-птицу
в нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
и достать ее старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил! –
Закричал он, утираясь. –
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведешь».
Царь, затряси бородою:
«Что! Рядиться мне с тобою? –
Закричал он. – Но смотри!
Если ты недели в три
не достанешь мне Жар-птицу
в нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой!
Ты поплатишься со мной:
На правез – в решетку – на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
и пошел на сеновал,
Где конек его лежал.
Горбунок, его почуял,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорил ему конек,
У его вертяся ног, –
Не утайся предо мною,
Все скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! – сказал. –
Царь велит достать Жар-птицу
в государственную светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашел перо Жар-птицы;

Я сказал тебе тогда:
«Не бери, Иван, – беда!
Много, много непокою
Принесет оно с собою».
Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Тут Иван к царю идет,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.
На другой день утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей! Хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток –
Доставать тоё Жар-птицу.
Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой,
Тут сказал конек Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора,
Вся из чистого серебра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут
Словно камень изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на окияне,
Возвышается гора
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.
Вот конек по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другу пробежал
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати ее, смотри же!
А поймашь птицу-жар –
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюсь». –
«Ну, а если обожгуся? –
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. –
Рукавички взять придется,
Чай, плутовка больно жгется». –
Тут конек из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.
Вот полночную порой
Свет разлился над горой,
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряни, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать –
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то – сущий смех!
Чай, таких у куриц нету;
А уж сколько, парень, свету –
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь
Сам с собою, под лазейкой
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз –
Хватить одну из птиц за хвост.
«Ой! конечек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!
Я ведь птицу-то поймал!» –
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! –
Говорит ему конек. –
Ну, скорей ее в мешок!
Да завязывай тужее;
А мешок привесь на шею,

Надо нам в обратный путь». –
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть! –
Говорит Иван. – Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щелоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.
Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» –
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», –
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» – «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли,
Вот Иван мешок на стол.
«Ну-ка, бабушка, пошел!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решеточных сзывайте!
Заливайте! заливайте!» –
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, –
Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываясь. – Потеху
Я привез те, государь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой –
Будь же царский стремянной!»
Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться,
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»
Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора,
Попивали мед из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх! – один слуга сказал, –
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Да и сказок только пять,
А уж сказки – вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!» –
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе,
Третья... дай БОГ память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвертой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...» –
«Ну, да брось ее!» – «Постой!..» –
«О красотке, что ль, какой?» –
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу сегодня я?» –
«Царь-девицу! – все кричали. –
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:
«У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идет,
Что девица там живет;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нем;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»
Спальник тут с полатей скок –
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» –
«Говори, да правду только
И не ври, смотри, нисколько!» –
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы сегодня в кухне были
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Вот твой царский стремянной
Поклялся своей бородой,
Что он знает эту птицу –
Так он назвал Царь-девицу, –
И ее, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» –
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали до Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.
Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить, Царь-девицу...» –
«Что ты, что ты, Бог с тобой! –
Начал царский стремянной. –
Чай, спросонков, я толкую,
Штуку выкинул такую.
Да хитри себе, как хошь,
А меня не проведешь».
Царь, затряши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? –
Закричал он. – Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правез – в решетку – на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конек. –
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! – сказал. –
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: «Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохладенья».
Вот Иван к царю идет
И такую речь ведет:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,

Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохладенья». –
«Вот давно бы так, чем нет», –
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.
На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей! Хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь дорожку собирался,
Взял ширинки и шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохладенья;
Все в мешок дорожный склал
И веревкой завязал,
Потеплее приделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.
Едут целую седмицу;
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинешенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конек ему вещает:
«Ну, раскидывай шатер,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохладенья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает.
То царевна подплывает.
Пусть в шатер она войдет,
Пусть покушает, попьет;
Вот, как в гусли заиграет –
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатер вбегай,
Ту царевну сохватай,
И держи ее сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,
И поедем... Да смотри же,
Ты гляди за ней поближе,
Если ж ты ее проспишь,
Так беды не избежишь».
Тут конек из глаз сокрылся,
За шатер Иван забился

И давай дыру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.
Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслими в шатер
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, –
Рассуждает стремянной, –
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то ножонка!
Тьфу ты! Словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак;
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.
Запад тихо догорал.
Вдруг конек над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды!
Не меня ведь вздернут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конек его простил.
«Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж спать не стану». –
«Ну, уж Бог тебя простит! –
Горбунок ему кричит. –
Все поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывет опять девица –
Меду сладкого напитокся.
Если ж снова ты заснешь,
Головы уж не снесешь».
Тут конек опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнется.
На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслими в шатер
И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! –
Говорит Иван, вставая. –
Ты вдругорядь не уйдешь
И меня не проведешь.»
Тут в шатер Иван вбегает,
Косу длинную хватает...

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

«Ой, беги, конек, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конек к нему явился.
«Ах, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей!
Да держи ее плотней!»
Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает.
За белы руки берет,
Во дворец ее ведет
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица!
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел –
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня,
Ох, измучают меня.
Молви ласковое слово!
Все для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнем жить припевая».
А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильнее еще влюбился;
На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царевна:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна!» –
«Гей! Позвать ко мне Ивана!» –
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.
Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего». –
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги –
Ты опять на окиян!» –
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! –
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. –
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, –
Говорит ему царица, –
Заезжай ты поклониться

В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?
Не забудь же!» – «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц – мать мне. Солнце – брат».
«Да смотри, в три дня назад!» –
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» –
Говорит ему конек.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлет на окиян, –
Говорит коньку Иван, –
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спрошать кое об чем...»
Тут конек: «Сказать по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А на завтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».
На другой день наш Иван
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!
Часть третья
Доселева Макар огороды копал,

А нынече Макар в воеводы попал.

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй! Послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,

Что на весь крещеный мир!»
Это присказка ведется,
Сказка после начнется.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
«Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
«Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.
У-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.
Подъезжая к окияну,
Говорит конек Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну –
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить:
Он начнет тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаешь,
Да, смотри, не забывай!»
Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.
Все бока его изрыты.
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дуброве, меж усов,
Ищут девушки грибов.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господи!
Вы откуда и куда?» –
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, –
Говорит ему конек, –
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». –
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» –
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» –

Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..» –
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько въздыхает.
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» –
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,
Прыг на берег и пустился:
Только видно, как песок,
Вьется вихорем у ног.
Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого –
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут.
Тут Иван с землею протиснулся
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, –
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, –
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая, –
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!» –
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, –
Горбунок ему кричит, –
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».
Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод:
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд –
Православный русский крест.
Вот конек во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идет

И такую речь ведет:
«Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я – Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привез тебе поклон». –
«Сядь, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцovich. –
И поведай мне вину
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, –
Все скажи мне, не утай». –
«Я с земли пришел Землянской,
Из страны христианской, –
Говорит, садясь, Иван, –
Переехал окиян
С порученьем от царицы –
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой!
«Ты скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?»
Так, кажися? Мaстерица
Говорить красно царица;
Не припомнишь все сполна,
Что сказала мне она». –
«А какая то царица?»
«Это, знаешь, Царь-девица». –
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» –
Вскрикнул Месяц Месяцovich.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня отец
Посадить грозился на кол». –
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцovich. –
Ты принес такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж как мы горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В темном облаке ходила,
Все грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру Божью не светил:
Все грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?

Не грустна ли, не больна?» –
«Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том –
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть еще к тебе прошение,
То о китовом прощенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперек его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты...
Он, бедняк, меня прощал,
Чтобы я тебя спрошал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несет мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгоду.
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал
«Ну, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцovich. –
Благодарствую тебя
За сына и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, –
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведеет тебя к налю».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.
На другой день наш Иван
Вновь пришел на окиян.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, мое прощенье?
Получу ль когда прощенье?» –
«Погоди ты, Рыба-кит!» –

Тут конек ему кричит.
Вот в село он прибегает,
Мужичков к себе сзывает,
Черной гривкою трясет
И такую речь ведет:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернется Рыба-кит...»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!
Тут конек на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо Рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без Божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет Бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Веком долгим наградит».
И окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился – и вмиг
На далекий берег прыг.
Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.
Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов веселый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»
Волны моря заklubились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?»

чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Все достать для вас готов!» –
«Нет, кит-рыба, нам в награду
ничего того не надо, –
Говорит ему Иван, –
Лучше перстень нам достань, –
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». –
«Ладно, ладно! Для дружка
и сережку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», –
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.
Вот он плесом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетрины весь народ
И такую речь ведет:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!..»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.
Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! Не гневись!
Мы все море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только Ерш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло».
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» –
Кит сердито закричал
И усами закачал.
Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И Ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря
И того Ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было, нашли,

К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И Ерша искать пустились.
Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озера исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли Ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...
Вдруг дельфины услышали,
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, –
Глядь: в пруде, под камышом,
Ерш дерется с Карасем.
«Смирно! Черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» –
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело? –
Ерш кричит дельфинам смело. –
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!» –
«Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Все бы, дрянь, тебе гулять,
Все бы драться да кричать.
Дома – нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться, –
Вот тебе царев указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».
Тут проказника дельфины
Подхватили под щетины
И отправились назад.
Ерш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот Карась
Поносил меня вчерась
При честном при всем собранье
Неподобной разной бранью...»
Долго Ерш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.
«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» –
Кит со гневом закричал.
На колени Ерш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж Бог тебя простит! –
Кит державный говорит. –
Но за то твое прощенье
Ты исполни повеленье».
«Рад стараться, Чудо-кит!» –
На коленях Ерш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» – «Как не знать!
Можем разом отыскать». –
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»
Тут, отдав царю поклон,

Ерш пошел, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне –
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ерш скликать к себе сельдей.
Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего –
«У-у-у!» да «О-о-о!».
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селедки!
Вам кнута бы вместо водки!» –
Крикнул Ерш со всех сердцов
И нырнул по осетров.
Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребятушки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ерш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины).
Чай, додраться с Карасем, –
я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.
Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок,
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! –
Говорит себе Иван. –
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...» Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твое благодеянье
я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,
Позови опять меня;
Твоего благодеежня
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.
Горбунок-конек проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выполнил исправно!
Ну, спасибо, Рыба-кит! –
Горбунок-конек кричит. –
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число,
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять;
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут конек, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далек».
Стал четвертый день зориться,
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит, –
«Что кольцо мое?» – кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И не медля приказал
Сундучок отнести в светлицу,
Сам пошел по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найден, –
Сладкогласно молвил он, –
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенечек?
Он в дворце моем лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя еще венчаться». –
«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой,
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру

Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внучку взял!»
Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются –
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!» –
«Пусть не станут и смеяться,
Все не можно нам венчаться. –
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» –
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! –
Царь царице отвечал. –
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмурясь, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!» –
«Не пойду я за седого, –
Царь-девица молвит снова. –
Стань, как прежде, молодец, –
Я тотчас же под венец». –
«Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо Бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краев водой студеной,
А второй – водой вареной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться –
Ты, без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде вареной,
А потом еще в студеной.
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»
Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? –

Говорит царю Иван. –
Нет, уж дудки, ваша милость!
Уж и то во мне все сбилось.
Не поеду ни за что!» –
«Нет, Иванушка, не то,
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краев водой студеной,
А второй – водой вареной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради, искупаться
В этих трех больших котлах,
В молоке и двух водах». –
«Вишь, откуда подъезжает! –
Речь Иван тут начинает. –
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросенок,
Не индюшка, не цыпленок,
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить-мудрить
Да Ивана проводить!»
Царь, затряси бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? –
Закричал он. – Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, –
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытаться,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, болесь злая!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конек его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конек. –
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! – сказал. –
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и двух водах:
Как в одной воде студеной,
А в другой воде вареной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конек:
«Вот уж служба, так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, Бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай, завтра на заре

В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследствии с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котел с водой вареной,
А оттудова в студенной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».
На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошел к царю во двор.
Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.
Вот и двери растворились,
Царь с царицей появились
И готовятся с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» –
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них – и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? –
Царь опять ему вскричал. –
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать?
Я впоследствии с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.
Вот конек хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул,
На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,

Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.
«Эко диво! – все кричали. –
Мы и слыхом не слышали,
Чтобы лъзя похорошеть!»
Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился, –
Бух в котел – и там сварился!
Царь-девица тут встает,
Знак к молчанью подает,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего –
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.
«Люба, любя! – все кричат. –
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем царя Ивана!»
Царь царицу тут берет,
В церковь Божию ведет,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налюю.
Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерет:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной царь-девицей!»
Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями,
Сердцу любо! я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.
Николай Некрасов

Сказка о том, как царь Елисей хотел женить сына на луне, взять в приданое небо и
двинуть рать на солнце, как все это не удалось и как царь Пантелей поправил и
кончил дело благополучно
Цып, цып, цып! ко мне, малютки,
Слушать сказки, прибаутки!
Уж чего мне на веку
Не случилось, старику?
Дай бог памяти! Гисторий
Слышал пропасть! Как Егорий
С волком дрался, как солдат
Вдруг попал ни в рай, ни в ад,
Как Руслан с Бовой сражался,
Как на черте Карп катался,
Как, не для ради чего,
Черт взял душу у него!
Как Егору да Вавиле
Ведьмы ребра изломили;
Как пяток богатырев
Полонили сто полков,
Как Ягу прибил Данилыч,

Сатана Сатанаилыч
Как на землю нисходил,
Души добрые мутил...
Как Иван коня-горбатку
Заставлял плясать вприсядку,
Как бесстрашный царь Макар
Полонить ходил татар...
Как по щучьему веленью,
По Иванову прошенью
Ведро на гору взошли
На потеху всей земли...
Как он ездил на лежанке,
Как держал колдунью в банке
Чернокнижник Змеулан,
Страх для всех окольных стран...
Знаю все, но не об том
Речь теперь мы поведем.
Поведем мы речь про царство,
Про большое государство,
Где во время сказки сей
Государь был Елисей...
Елисеево правленье
Было всем на удивленье,
Силе вражеской назло,
Царство крепко и цвело;
Там не слышно было мору,
Ни вражды, ни заговору,
Ни других каких потех,
Победи их леший всех!..
Все как братья словно жили,
А царя уж как любили,
Так, не хваставши, скажу,
И ума не приложу!
Да и то сказать, еще бы
Не любить его особы –
Был он подданных отец,
Награди его, Творец!..
Словно с детками родными,
Он, вишь, всем делился с ними,
Чуть победа, празднество –
У него и пиршество!
Все бояра, все миряна,
Все чиновные гражданина
Уж к нему приглашены
И вповал напоены!
У царя еще, кроме
Этих милостей, был в доме
Преогромный вечный пир
Для того, кто сед и сир...
Так он страждущих всех нежил...
Бог за то его потешил
И, по благости своей,
Даровал ему детей
Умных, добрых, залихватских,
Проживавших в чувствах братских!
Старший сын его Роман
С виду был другой Полкан,
Настоящим он ироем
Ходит в доме по покоям,
Ростом чуть ли не в сажень,
И красив как вешний день...
Кудри сами завивались,
И усы уж пробивались,
Был уж он во цвете лет,
Расцветал как маков цвет...
«Что, Роман, брат, не пора ли
И жениться для морали?
Ты уж взрослый молодец», –

Раз сказал ему отец.
Наш Роман потупил очи
И заплакал, что есть мочи,
Так что сердце у царя
Сжалось в виде сухаря,
Так что инда все окошка
В доме вздрогнули немножко..
«Рад я, батюшка, жениться,
Коль невеста мне случится
Из каких заморских стран, –
Наконец сказал Роман. –
Только надо не простую,
А царевну молодую,
Чтоб была она умна
И богата и красна».
«Правда, правда! – царь ответил. –
Я еще не приметил
Для тебя, брат, по плечу,
Но авось ведь и сыщу!»
На другой день совещанья
Разослал царь приказанья,
Чтоб немедленно к нему,
Как владыке своему,
Ради некого присловья
Собралися все сословья,
А меж тем велел он пир
Приготовить на весь мир..
Дело важное решиться
На пиру должно; боится
Царь, не то чтоб самому
Не достало тут уму,
И не то чтоб из приличий,
А старинный был обычай
Дело важное решать,
Чтоб несчастья избежать,
Не нажить поклепу света, –
После общего совета..
Пир готов великолепный,
На столы напитков хлебный,
Мед и прочее вино
Уж давно принесено..
Гости в доме кишмя кишут,
От восторга еле дышут,
Что пришла такая честь –
За столом им царским есть..
Вышел царь.
Пошли поклоны,
Толковали про законы,
Про спокойство, про войну,
Про дела и старину..
Елисей вдруг с места сходит,
На высокий трон восходит
И оттуда речь ведет,
Поклонившись наперед:
«Вам, бояра и дворяне
И чиновные граждане,
Всем известно, что я сед,
Что уж мне не двадцать лет..
И для этой-то причины,
Чтобы не было кручины,
Чтоб все шло у нас к добру
И тогда, как я умру,
Объявляю всенародно,
Что оставить мне угодно,
Не в обиду никому,
Трон мой царский, по уму
И по росту великану,
Сыну старшему Роману.

Но, чтоб это учинить,
Надо нам его женить,
Чтобы он не баловался,
За чужими не гонялся,
А найпаче, чтоб в стихи
Не пустился на грехи...
Ваш совет я уважаю
И затем вам предлагаю
Поразмыслить и решить,
Сыну ровню где найти.
Из которого-де царства,
Вы скажите без коварства,
Нам царица по плечу:
А не то приколочу», –
Царь промолвил ради шутки,
Он остер на прибаутки,
Хоть и нету в них пути!..
Ну, да Бог ему прости!
Тут бояра и дворяна
И чиновные гражданина
Почесали за ушми
И задумались вельми...
Долго думали, корпели,
Угодить царю хотели,
Всяк совет давал тут свой
Ради надобности той;
Царь, прослушавши, «не пара! –
Отвечал им: – та уж стара,
Та горбата, та бедна,
Не царица та княжна...»
Лоб бояра потирали,
Думать снова начинали...
А мудрец один седой
Лишь качает головой.
«Ладно, – думал он, – постойте,
Что вы тут себе ни пойте,
А как я свое скажу,
Так уж, верно, угожу».
И, решивши наконец,
Начинает так мудрец:
«Царь наш, ты нам благодетель.
Счастья нашего содетель,
Не вели меня казнить,
А вели мне говорить».
«Говори!» – царь отвечает.
И мудрец так продолжает:
«Силен ты, богат и славен,
Кто с тобой по власти равен?
У кого такая рать?
Где такая благодать?
Царства более твоего
В свете нет ни одного,
Все владыки, все соседи
Пред твоим величием дети,
И в невестки ни одна
Из их дочек не годна...
Да и нет во всей природе,
Ни в одном, сиречь, народе
Нет пригодной для него,
Для Романа твоего...
К пользе царственной ревнуя,
Обвенчать его хочу я
На красоте неземной,
На владычице ночной.
Пречудеснейшая тайна
Мне открылась не случайно,
Коли хочешь, сообщу
И, что делать, научу...»

«Говори! да лишь курьезно, –
Отвечает царь серьезно, –
Разным вздором не скучай,
Подарю тебе на чай...»
Вновь мудрец так начинает:
«В некоем царстве проживает,
Что за тридевять земель,
Славный царь Ходинамель...
У царя, кроме дочек,
Есть приемыш, как цветочек
Расцветает пышно он,
Весь сияньем окружен...
То царица Ясносвета.
В царстве лучше нет предмета,
Так чудесна, так умна,
А особенно ясна!
Все дивятся, что за чудо,
Самоцветней изумруда,
Как от месяца в ночи,
От нее идут лучи...
По известной мне науке
Прокатился раз от скуки
Я в то царство, лишь на час
Отлучившись от вас...
Как вошел во двор я пышный,
Только было там и слышно,
Что хвала ее красам,
Диву дался я и сам...
Столько блеску, столько жару,
Что недолго до пожара!
Ну, диковина! дивней
Не найдется в жизни сей!
Вот уж, правду молвить, знатно!
Только мне невероятно
Что-то стало, что она,
Вишь, от смертных рождена...
Разум мой пришел в свирепство,
Я принялся за волшебство...
И недолго я гадал,
Подноготну всю узнал...
Умолчу, каким манером,
Не назвали б изувером!
Просто молвлю, что она
Не царица, а луна...
В небе скучившись дежурить,
Гарцевать и балагурить
И пред солнцем не хотя
Унижаться, не светя,
Днем она на землю сходит
И в том царстве день проводит,
А как солнце сходит прочь,
Освещать уходит ночь...
Вот невеста для Романа!
Кроме царственного сана –
И ведь где же? в небесах! –
Важный клад у ней в руках,
И богатство ее будет,
Бело озеро запрудит...»
«Ладно! – молвил Елисей, –
Нарядить к царице сей
Послезавтра же посольство,
Да не делать своевольства,
Чинно там себя вести,
Чтоб невесту привезти
Без урону и изъяна
Для царевича Романа...
Штука славная! луна
Будет в дом к нам введена!

Ну, брат, честь тебе и место,
Да спасибо за невесту,
Ведь такой уже другой
Не отыщешь под луной!..»
Говорит царь мудрецу.
«Но еще царю-отцу
Нужно молвить между прочим,
Что ведь этак не упрочим
Мы навек себе луны, –
Говорит мудрец, – должны
Мы к земле ее навеки
Приковать...» – «Но человеки
Через эти чудеса
Могут выколоть глаза;
С обязательем подпиской,
Чтоб к земле держалась близко
И являлась поскорей,
Будем отпуск давать ей,
Только б с солнцем не дружилась
Иль с звездами не водилась,
Впрочем, это уж, того,
Дело сына моего!» –
Царь сказал с самодовольством
И занялся хлебосольством..
«Нет, неладно, царь-отец! –
Отвечал ему мудрец, –
Так она, у нас соскуча,
Заберется в серы тучи,
И попробуй-ка поди
Вновь беглянку приведи!..
Нет, чтоб было безопасно,
Средство знаю я прекрасно:
Есть чугунное кольцо
Здесь со мною налицо..
Вот, царевич, – тут до стану
Он согнулся в честь Роману, –
Вот, возьми! да береги,
Уничтожить не моги!
Поезжай ты сам в те страны,
Я коня тебе достану,
Да такого, что он в час
Донесет тебя как раз..
Как вспыхнут у вас сердечки
Да захочется колечки
Друг у друга променять,
Это ей изволь ты дать;
Ей оно вопьется в руку,
Но не бойся, стерпит муку..
Но зато, ручаюсь я,
Будет целый век твоя...»
Царь радехонек до смерти.
«Не вмешались бы тут черти!» –
Говорит он. Славный пир
Тут пошел на целый мир
В честь блистательной надежды;
Наконец сомкнулись вежды;
А царевич наш Роман
Был уж близко чуждых стран..
Пречудовую свиньюшку,
Ростом в сдобную ватрушку,
Подарил ему мудрец.
Вот и к царству наконец
Наш царевич подъезжает,
Тут свиньюшку оставляет
И идет себе пешком
В преогромный царский дом.
В нем и роскошь, и богатство,
И устройство, и опрятство,

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

И различных тьма красот,
Сам колдун не перечтет...
У дверей стоит прислуга,
Вся в убранстве из жемчуга,
Так, как жар, вот и горит,
По-испански говорит...
Между ими тут Емеля...
«Где царя Ходинамеля, –
Говорит Роман, – найти,
Укажи – да проведи!»
Тут прислуга подскочила
И царевича спросила,
Кто он родом и отколь,
Не саратовская ль голь,
И не с вражьего ль навета
Прикатил к ним до рассвета?
Но с почтением потом
Отступили чередом,
Поклонились и к царю
Дали путь богатырю...
«Ну-тка, царь Ходинамель,
Оставляй свою постель! –
Закричал дурак Емеля
И толкнул Ходинамеля. –
К нам царевич из Чарморя
Прикатил размыкать горе,
Угощенье припаси
Да садиться попроси!..»
Не расслышав хорошенько,
Рассердился царь маленько
И, вспылив на дурака,
Дал в загривок тумака...
Вдруг он делом спохватился,
Как надлежит извинился;
И с царевичем они
Уж остались одни...
Тут Роман потупил очи
И заплакал что есть мочи,
Слезы вытер рукавом
И речь начал так потом:
«В наше малое поместье
Донеслося, царь, известье
Из огромного твоего,
Что дивней нет ничего
Среди всех пределов света,
Как царевна Ясносвета,
Дочь названная твоя,
Ей в мужья гожусь ли я?
Согласишься ль ты – не знаю,
Но к ней страстью я пылаю,
Хоть не видел никогда».
«Ну, да это не беда,
Коли с неба, так уж видно,
Что ей мужем быть не стыдно», –
Он подумал про себя.
«Я и дочку для тебя
Уступить готов любую,
Хоть старшую, хоть меньшую...
У меня их богатель!» –
Отвечал Ходинамель
И воскликнул что есть силы:
«Эй вы, дочки мои милы!
Мы, сударыни, на час
К нам в беседу просим вас...»
Только вымолвил... девицы
Прибежали из светлицы
И все стали у стены...
«Ну, которую в жены

Ты, царевич, завоюешь
Или всех их забракуешь?» –
Царь сказал... Роман взглянул:
«Знать, мудрец меня надул,
Или я теперь в угаре,
Тут такие инда хари,
Что за чертовых сестер
Их признать, так не позор!» –
Так Роман себе помыслил,
Их по пальцам перечислил...
Вдруг на самом на краю
(Я от вас не утаю,
Он в тот час немного струсил,
Так его переконфузил
Ясносветы чудный взгляд!)
Видит: два глаза блестят,
Самоцветный словно камень,
Словно звезды, словно пламень!
«Та, та, та! Так вот она
Уж действительно красна,
Правда, в ней уж столько жару,
Что недолго до пожара...», –
Он подумал... Зорких глаз
Не спускал с нее он час,
Поразмыслил, постыдился,
Да по горло и влюбился.
«Уступи ты мне вот эту,
Сиротину Ясносвету,
Уж куда мне до другой,
Удовольствуюсь и той», –
Так Роман сказал с усмешкой.
Царь же думал: «Глуп, как пешка,
Он урод, молокосос,
Он слеп вовсе или кос,
Хорошенько я не знаю,
Лишь того не постигаю,
Отчего не дочь мою
Он берет в жену свою..
Пусть же нянчится с девчонкой!..»
«Коли хочешь, будет женой
Ясносветочка твоей,
Приказать не смею ей,
А даю свое согласие», –
Он сказал... Роман от счастья
Чуть в безумство не пришел,
Чепухи не замолол...
Но опомнился... К невесте
Подшел с царем он вместе
И его женою быть
Стал красавицу просить...
Ясносвета оробела,
С изумленьем посмотрела,
Раскраснелась как заря
И, с согласия царя
Наконец ему сказала:
«Что охота вдруг припала,
Да и видано-то где –
На безродной сироте
Сыну царскому жениться?..
Но должна я согласиться,
Коли дело уж давно
Без меня порешено...»
Тут Роман кольцо снимает,
Ей на руку надевает,
А ее берет себе;
И, покорствуя судьбе,
Царь чету благословляет
И, меж прочим, прибавляет:

«Но ты знаешь ли – она
ведь как нищая бедна?
Я не знаю ее роду,
По двенадцатому году
в плен была она взята
И в дворец мой принята...
Я даю лишь хлеб ей с солью,
Ты берешь ее голь-голью...»
«Ладно, – думает Роман, –
Не глумися, бусурман.
Или ты и сам не знаешь,
что из царства отпускаешь
драгоценный, чудный клад:
ладно, буду я богат,
ведь луне серебра и злата
занимать, я чай, не надо,
царства купит ваши все
тем, что есть в одной косе...»
Помолившись, поклонившись
и радушно распростившись,
царь с царевной молодой
отправляется домой.
Между тем царь Елисей
называть велел гостей;
предан радостной надежде,
ходит в праздничной одежде,
приказанья отдает
да застольную поет...
День к полудню стал склоняться,
гости начали собираться,
и меж множеством гостей
прикатил царь Пантелей,
пожилой, не политичный,
с Елисеем закадычный,
приглашенья он не знал,
а нечаянно попал...
притвориться не умея,
царь в сторонку Пантелея
вдруг отводит и тишком
говорит ему потом:
«Поздравляй, брат, поскорее
ты с невесткой Елисея.
сына, братец мой, женю,
и на нынешнем же дне...
а невеста – так уж чудо!
самоцветней изумруда,
лучше б я и не желал, –
разве ты бы дочь отдал,
так задумался б немного».
«Ох! давно, по воле Бога,
дочь погибла у меня,
даже как, не знаю я,
делать нече! не вернется,
только плакать остается,
а охотно бы Роман
был в мужья ей мной избран», –
так ответил со слезами
Пантелей и рукавами
ну-тка слезы утирать,
чтоб тоски не оказать.
Елисей великодушный
сам завыл, как малодушный,
Пантелея утешал
и потом ему сказал:
«Что касается до сына,
то счастливый он детина.
ведь, поверишь ли? луна
будет, брат, ему жена...»

Все небесное пространство
На одно, вишь, ей убранство,
Вишь, в приданое идет
Целиком небесный свод
Ей с морями, облаками,
Поселеньями, садами,
С кормной птицей всех сортов
И скотиной всех родов;
Будет тут тряхнуть червонцем!
Только жаль, что вместе с солнцем
Ей придется всем владеть
И сношенья с ним иметь...
Впрочем, что же, бог помилуй! –
Как войдем мы только в силу,
Можно, знаешь, и того...
Рати двинуть на него...
Не большая ведь персона,
Да и светит-то как соня,
Не заботясь ни о чем,
Ну да мы его пугнем».
Молча слушал Пантелей
То, что баял Елисей,
И потом сказал с улыбкой:
«Ну, смотри, брат, как ошибкой
Не вломися в чепуху,
Уморишь всех со смеху...
Есть ли месяцу причина
Выходить за твоего сына?
Да притом и небеса
Без него что за краса!..»
Елисей вельми сердчает
И, подумав, отвечает:
«Что сказал, то докажу,
Всех на свете пристыжу».
Тут он все пересказал,
Что мудрец ему сказал.
Пантелей пожал плечами:
«Славны бубны за горами!» –
Он подумал, а потом
Занялся и пирогом...
Так прошло около часу,
Елисей напился квасу
И хотел ложиться спать
На удобную кровать,
Вдруг, обрадованный, слышит,
У ворот свиньюшка дышит
Так, что ажно все дрожит.
Елисей туда бежит,
Сына у двери встречает,
Лобызает, обнимает,
А Роман, вместо ответа:
«Вот царевна Ясносвета!» –
Говорит ему, и он
Отпускает ей поклон...
Сердце пляшет от блаженства
У царя! Все совершенства,
Все, чем славен женский пол,
В Ясносвете он нашел.
Весть гремит меж тем в народе,
Что луны теперь в природе
Уж не будет, что она
За Романа отдана. –
Кто шататься в пьяном виде
Ночью любит, тот в обиде
Был при случае таком;
А кто любит царский дом,
Тот в сильнейшем был восторге,
И в трактире, и на торге,

И в домах, и на дворах
Пел с восторга так, что страх...
И придворные того же
Были мненья; всех пригожей,
Всех яснее, всех белей,
И прекрасней, и умней
Все царевну признавали
Да из чарок попивали...
Лишь один царь Пантелей
Что-то не был веселей...
Без любви и без привету
Он смотрел на Ясносвету,
И так пристально смотрел,
Что самой ей надоел...
Чтоб скорей окончить дело
И кутить опосле смело,
В честь счастливому концу,
Молодых ведут к венцу...
Обвенчали по порядку...
Чуть не пляшет царь вприсядку,
Так он счастьем сына рад!
«Был я, – мыслит он, – богат,
А теперь уж наипаче:
Буду впятеро богаче...
Что за нужда, коль темно
Будет в небе, все равно!..
И кому это обидно,
Что луны не будет видно;
Молвит всяк, уняв тоску:
«Знать, в бессрочном отпуску,
Знать, светить ей надоело,
За другое взялась дело!»
Потолкуют да потом
И забудут чередом...
От того их не убудет...
Перву ночь теперь не будет
В небе сумрачном луны,
Диву даваться все должны!..
Да и сам я подивуюсь;
На невестку полюбуюсь:
«Что, голубушка, сидишь
На земле, а не глядишь
Уж, как встарь бывало, с неба,
Словно с год не евши хлеба...»
Солнце красное садится,
Люд крещеный веселится...
Попиваячи винцо,
Царь наш смотрит на кольцо
На руке у Ясносветы
И поет ей многи леты...
Все спокойны, все поют,
А наипаче того, пьют...
Царь лишь только Пантелей
Не стаёт все веселей...
То глядит на новобрачных,
То теченье облак мрачных
Мутный взор его следит...
Елисей ему твердит:
«Что ты, братец, что не весел,
Что ты голову повесил?»
И уходит от него,
Не добившись ничего...
Там с придворными толкует,
Как он солнышко надует,
Как приданое луны
Получить они должны,
И потом, смеясь свирепю,
Обращает взор на небо...

Вдруг он видит: в небеса
Всходит свету полоса...
Он попристальной глядит...
Все летит, летит, летит,
Светом радостным блистает
И на небо выплывает,
Милостива и красна,
Словно прежняя, луна.
«Различить я не умею, –
Говорит он Пантелею,
Указав на высоту, –
Эту как зовут звезду?..»
Пантелей глядит, хохочет,
Елисея так порочит:
«Ну, брат, сделал ты чуху,
Уморишь всех со смеху,
Это просто ведь видна
Настоящая луна...»
«Как!» – царь в бешенстве зовет,
Мудреца тут призывает,
Задаёт ему вопрос.
А мудрец, повесив нос,
Елисею отвечает,
Что он сам того не знает...
В это время и все гости
Небо взвидели; со злобы
Стали жалобно кричать,
Что луна мешает спать;
С мест своих все поскакали,
Толковали, рассуждали
И кричали так, что дом
Обернули кверху дном...
Сам царевич в изумленье
С места встал, как привиденье,
Помутился, побледнел
И на небо поглядел.
А меж тем с большим свирепством
Царь ругался над волшебством,
Проклинал его как мог,
Да простит ему то Бог!
«Чрез ошибку эту злую
Взяли, может быть, простую
Девку мы себе в родство, –
Говорит он. – Шутовство,
Что ли, это, в самом деле?
Обмануть, что ль, нас хотели?»
И, сердчая, что есть сил
Всю вселенну царь бранил...
А меж тем царь Пантелей
Делал во сто раз умней...
С Ясносветою несчастной
Что-то баял он согласно,
Все об чем-то вопрошал,
Что-то все припоминал...
Знать бы было интересно,
Да, на грех, то неизвестно...
Наконец, царь Пантелей
Вдруг упал на шею к ней:
«Дочь моя! мое рожденье –
Небесам благодаренье! –
Вновь ты мне возвращена!» –
Говорил он, а она
Так и падает на шею
Со слезами к Пантелею...
Тут подходит Елисей:
«Неужель отец ты ей?» –
Вопрошает. «Да, она
Точно та, что пленена

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

Встарь была Ходинамелем». Одурманен, словно хмелем, И Роман пришел в тот час, Объяснилось все как раз, Все четыре обнялись, Быть ввек в мире поклялись, Безобидно проживать Да деньжонок наживать. Снова кубки заблистали, Пить прилежней вдвое стали, И пошел такой тут пир, Что не знал подобных мир. Я там был три сряду ночи, Ах, что было только мочи, За стаканом пил стакан И все не был сыт и пьян.

Николай Агнивцев

О драконе, который глотал прекрасных дам Как-то раз путем окрестным Пролетел Дракон... И там По причинам неизвестным Стал глотать прекрасных дам. Был ужасный он обжора И, глотая, что есть сил, Безо всякого разбора В результате проглотил: Синьорину Фиамету, Монну Юлию Падету, Аббатису Агрипину, Синьорину Фарнарину, Монну Лючию ди Рона, Пять сестер из Авиньона И шестьсот семнадцать дам, Неизвестных вовсе нам. Но однажды граф Тедеско, Забрав Дракону в тыл, Вынул меч и очень резко С тем Драконом поступил. Разрубив его на части, Граф присел... И в тот же миг Из драконьей вышли пасти И к нему на шею прыг: Синьорина Фиамета, Монна Юлия Падета, Аббатиса Агрипина, Синьорина Фарнарина, Монна Лючия ди Рона, Пять сестер из Авиньона, И шестьсот семнадцать дам Неизвестных вовсе нам. Бедный тот Дракон, в несчастье Оказавшись не у дел, Подбрав свои все части, Плюнул вниз и улетел. И, увы, с тех пор до гроба Храбрый граф, пустившись в путь, Все искал Дракона, чтобы С извинением вернуть: Синьорину Фиамету, Монну Юлию Падету, Аббатису Агрипину, Синьорину Фарнарину, Монну Лючию ди Рона, Пять сестер из Авиньона И шестьсот семнадцать дам, Неизвестных вовсе нам. Купальщица и кит Как-то раз купалась где-то

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont

В море барышня одна:
Мариэтта, Мариэтта,
Называлась так она.
Ах, не снился и аскету,
И аскету этот вид.
И вот эту Мариэтту
Увидал гренландский кит.
И, увлекшись Мариэттой,
Как восторженный дурак,
Тут же с барышнею этой
Пожелал вступить он в брак.
Но пока он ту блондинку
Звал в мечтах своей женой,
Та блондинка – прыг в кабинку
И ушла к себе домой.
И, разбив мечты свои там,
Горем тягостным убит,
В острой форме менингитом
Заболел гренландский кит.
Три недели непрерывно
Кит не спал, не пил, не ел,
Лишь вздыхал, пускал фонтаны
И худел, худел, худел..
И, вблизи пустой кабинки,
Потерявши аппетит,
Стал в конце концов сардинкой –
гренландский кит.
Принцесса Анна
Из своей опочивальни,
Чем-то очень огорчен,
Побледневший и печальный
Вышел в зал король Гакон.
И в тоске невыразимой
Молвил, вставши на ступень:
«Здравствуй, мой народ любимый!»
и сказали: «Добрый день» –
114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
и 400 пажей!..
И дрожа, как от озноба,
Продолжал Гакон-король:
«Нам сейчас одна особа
Причинила стыд и боль!
Видно, нас днесь в это лето
За грехи карает Бог!
Что вы скажете на это?»
и сказали грустно: «Ох!» –
114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
и 400 пажей!..
«Наша дочь принцесса Анна,
Позабыв свои дела,
Неожиданно и странно
Нынче сына родила!
Мы б узнать от вас хотели
(Будьте ж честны и прямы!),
кто замешан в этом деле?!»
и сказали тихо: «Мы!» –
114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
и 400 пажей!..
Гильом де Рошефор

1

Сейчас весь мир невольно
Звенит от птичьих стай.
Сейчас цветет фривольный
веселый месяц май.
Пустивши без уступок
Все стрелы в оборот,
Кивает из-под юбок
Смеющийся Эрот.
По уши в плед замотан,
Кричит ханжа: «Ай-яй!»
Дурак! На то Эрот он,
На то и месяц май.
Итак, увлекшись маем,
Забыв дела свои,
давайте поболтаем
О странностях любви.
Любовь многообразна,
Но важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как, не все ль равно?!

2

Итак, хоть для начала
Уйдемте, например,
В тот век, когда блистала
Маркиза Ла-Вальер,
Когда в любовном хмеле
С полночи до зари
Сверкали и шумели
Версаль и Тюильри.
Теперь без долгих споров
Позвольте мне, мадам,
Гильом де Рошефора
Сейчас представить вам.
Известный волокита,
По виду Адонис...
Позвольте, где же вы-то,
Блистательный маркиз?
Поищем-ка немножко
Маркиза мы... Ага!
Вот домик, вот окошко,
В окошке же нога.
Я объясню вам это.
Нет проще ничего:
Окошко то фаншетты,
Зато нога его!
Итак, вот этот ранний
Повеса из повес
На первое свиданье
В окно к фаншетте влез.
Знакомая картина
По сотне тысяч сцен:
Она его кузина,
А он ее кузен.
Вы положенье взвесьте:
Беды особой нет,
Когда обоим вместе
Всего лишь тридцать лет.
Но дьявол ловким змием
Скользнул вдруг к их ногам
И азбуку любви им
Преподал по слогам.
Так черт вновь одурачил
Мамаш. И с этих пор
Свою карьеру начал
Гильом де Рошефор!

3

И все забыв на свете,

В тумане, как слепой,
Блуждал он по фаншетте
Дрожащею рукой.
Добавлю, что за этот
весьма короткий срок
Он изучил фаншетту
И вдоль и поперек.
Ах, ни один ученый
С начала всех начал
Так страстно и влюбленно
Наук не изучал.
Бледнеть стал звездный купол,
Умолкли соловьи...
Маркиз все так же щупал
Всю почву для любви.
И дар любви фривольной,
В неведеньи блажен,
Он расплескал невольно
У розовых колен.
Я слышу вопль рутины:
«Ах, горе! Ах, беда!
Ах, бедная кузина!»
Оставьте, господа.
Кузине горя мало:
Ведь и в конце всего
Она не потеряла...
Ну, ровно ничего.
Коль вдруг распухнут губки,
Есть кремы для услуг.
Ну, а для смятой юбки
Имеется утюг.
Любовь многообразна,
Но важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как, не все ль равно?!

4

Хоть был с кузиной нежен,
Но, право, до сих пор,
Как триста дев, безгрешен
Гильом де Рошефор.
Мужая неуклонно,
Он только тем грешил,
За что во время оно
Онан наказан был.
И до сих пор бы страсти
Не знал он, если б в нем
Не приняла участия
Мадам де Жантийом.
Тут я молчу в смущеньи
И, падая к ногам,
Вперед прошу прощенья
У всех знакомых дам.
Сам папа мне свидетель,
Что на сто верст кругом
Известна добродетель
Мадам де Жантийом.
Ей не страшно злоречье.
Белей, чем снежный ком,
И реноме и плечи
Мадам де Жантийом.
И словно ангелочки,
Вдаль тянутся гуськом
Двенадцать юных дочек
Мадам де Жантийом.
И к этой строгой даме,
Потупя скромно взор,
С фривольными мечтами
Явился Рошефор.

Но тут от пылкой страсти
Был мигом исцелен,
Когда в ответ на «Здрассте!»
Она сказала: «Вон...»
Когда ж от нагоняя
Он бросился бежать,
Прибавила, вздыхая:
«Вон... там моя кровать».
И тут погасли свечи,
И на сто верст кругом
Во тьме блеснули плечи
Мадам де Жантийом!

5

Хоть он к заветной цели
Спешил, что было сил,
Но все ж в любовном деле
Весьма несведущ был.
Итак, попав в объятья,
В неведеньи своем
Запутался он в платье
Мадам де Жантийом.
И так болтался, в горе
Ногами шевеля,
Как некий бриг на море
Без мачт и без руля...
И все шептал с опаской:
«Ах, смею ль? Ах, могу ль?»
Тогда она с гримаской
Сама взялась за руль
И опытной рукою
К источнику всего
Дорогой вековою
Направила его.
И, наклонившись к даме,
Он прямо в гавань – трах!
Под всеми парусами
Причалил впопыхах.
Любовь многообразна,
Но важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как, не все ль равно?!

6

Простившись с дамой вяло,
– любить их нелегко –
Маркиз шагал по залу
За горничной Марго.
Попав, как по заказу,
С ней в темной коридор,
Мгновенно ожил сразу
Галантный Рошефор.
И тут иль от смущенья
Иль от избытка сил
Вмиг без предупрежденья
Зашел любви он в тыл.
И песнь любви, как мог он,
Так спел ей второпях,
Что был бы им растроган
Любой персидский шах.
Ах, есть свои улады
У экзотичных ласк!
О сказки Шахразады!
О сладостный Дамаск!
Поняв по ощущенью,
В чем дело тут, Марго
В немалом восхищеньи
Воскликнула: «Ого!»
Любовь многообразна,
И важно лишь одно:

Любить друг друга страстно,
А как, не все ль равно?!

7

Как сложенные вместе
Пять Лед и шесть Юнон,
Мила – вы это взвесьте –
Красавица Нинон.
Но все-таки едва ли
В девичий пансион
На миг хотя бы взяли
Красавицу Нинон.
Был срок девичий отжит
Давно. И с тех времен
В любви щедра, как Ротшильд,
Мадмуазель Нинон.
О, страсть ее безбрежна!
Весь Н-ский гарнизон
Порукой страсти нежной
Красавицы Нинон.

8

По воле Афродиты
К Нинон, хоть незнаком,
Походкой деловитой
Влетел маркиз Гильом.
И быстро молвив «Здрассте»,
Заранее влюблен,
Поднял свой кубок страсти
Над чашею Нинон.
Отбросив старый метод,
Испорченный весьма,
За кубок страсти этот
Взялась она сама
И поднесла в томленьи
Сверх всяческих программ
Тот кубок наслаждений
К пылающим устам.
Маркиз всем этим очень
Был изумлен тогда,
Воскликнул, озабочен:
«Позвольте... не туда!»
В ответ нежнейшей скрипкой
Хихикнула она
И выпила с улыбкой
По капле все до дна.
Ах, в деле страсти нежной
Противен был шаблон
Немножечко мятежной
Мадмуазель Нинон.

9

Придя немного в чувство
От сладостных истом,
Над тайною искусства
Задумался Гильом.
И так сидел он в нише,
Задумчив, как пять тумб,
Как только что открывший
Америку Колумб.
Но очень любопытен,
Сконфузившись слегка,
Решил и сам испить он
Любовь из родника.
И слушай, о прохожий,
По образу Нинон
К истоку страсти тоже
Прильнул губами он.
И слились в позе сладкой
В одной из цифр, в какой
Шестерка иль девятка

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Termont
Имеют смысл иной.

10

Интригу кончив эту
И не успев поспать,
Он некую Жанетту
Поехал провожать.
Хоть было в той карете
И тесно и темно,
Но все ж Эрот заметил
Там кое-что в окно.
И увлеченный этим,
Дав крыльям полный ход,
Влез между ними третьим
Проказливый Эрот.
Летела вдаль карета,
И прыгали слегка
Карета и Жанетта
От каждого толчка.
Что было в той карете,
Известно лишь ему,
Карете и Жанетте
И больше никому.

11

И после этой тряски
До утра как назло
От тряски и от ласки
Всю ночь его трясло.
Но, встав часов в двенадцать,
Как истый кавалер,
Поехал представляться
Графине Сент-Альмер.
Когда же прямо в ванну
Он был к ней приведен,
Подумал: «Очень странно!»
И молвил вслух: «Пардон!»
Она же в брызгах пены,
Не молвя ничего,
Как нежная сирена,
Глядела на него.
О, дочери Нептуна!
О, белый жемчуг дна,
Где тело вечно юно
И скользко, как волна.
О, ласки без предела,
Очей бездумных муть
И молнией белой
Сверкающая грудь!
Чего ж еще вам надо?
Итак, по мере сил,
Она была наядой,
А он тритоном был.

12

От мокрой той графини
На сушу вновь влеком,
На завтрак к Жакелине
Отправился Гильом.
Увы, поверьте чести,
Не описать перу,
Какую с нею вместе
Затеял он игру.
В игре той нерутинной
Был вот какой ансамбль:
Гильом, с ним Жакелина
И вишня rag ехатрle.
Прибавлю добровольно,
Что эту вишню рок
Забросил вдруг в довольно
Интимный уголок.

Вы положенье взвесьте:
Пусть это ерунда,
Но вишни в этом месте
Находишь не всегда.
И вишню эту с жаром,
Игрою увлечен,
Прилежно с видом ярым
Ловил губами он.
Хотя детали лишни,
Замечу все же, что
Поймать губами вишню
Сумеет вряд ли кто!

13

Отсюда легче пуха,
Вскочив в кабриолет,
Помчал он что есть духу
К Сюзанне на обед.
Но огорчен чрезмерно
Был там маркиз Гильом,
Заставши фрейлен Эрну
С хозяйкою вдвоем.
Но отступал чтоб он-то?
Ну как же!! никогда!!!!
И лихо на два фронта
Он бросился тогда.
И были без утайки
Довольны все кругом.
И милая хозяйка,
И Эрна, и Гильом.
И, прыгая, как школьник,
Эрот из них в тиши
Составил треугольник
И рад был от души.

14

Но ужин тоже нужен,
И, прошептав: «Адье»,
Гильом спешит на ужин
К Анжель за пару лье.
От всех, в ком страсть и шалость
Кипят, она весьма
Заметно отличалась
Пытливостью ума.
Вам с видом благосклонным
Даря уста свои,
Великим Эдисоном
Она была в любви.
И в позе очень милой
К нему склоняясь ниц,
Она его любила
При помощи ресниц.
Любовь многообразна,
Но важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как, не все ль равно?!

15

Мой милый друг, хотя ты
Весь свет исколеси,
Все дамы грубоваты
В сравнении с Люси.
Она хрупка, как блюдо,
И боже упаси,
Хоть платьица коснуться
Застенчивой Люси
Все скажут без изъятья,
Кого ты не спроси,
Что Жанна д'Арк в квадрате
Безгрешная Люси.
Уныл, как две вороны,

С Люси той за столом
Средь сотни приглашенных
Сидел маркиз Гильом.
Скучая от безделья,
Он дело вдруг нашел
И с неизвестной целью
Скользнул рукой под стол.
Что делал там, не знаю,
Но слышал, как Люси
Ему в конце, вздыхая,
Промолвила: «Мерси!»
Любовь многообразна,
Но важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как, не все ль равно?!

16

Всю жизнь под град лобзаний
Он мчался напролом
По полю сладкой брани
С приподнятым копьем.
И в битве страсти томной
Он к двадцати годам
Пронзил копьем любовным
Сто сорок восемь дам!
Но был он хмур, как осень,
Когда к нему лакей
Впустил сто сорок восемь
Обманутых мужей.
И бросился спасаться,
Когда пришли к дверям
Пять тысяч двести двадцать
Любовников тех дам.

17

Решив порвать все связи,
Он утром влез в окно
К невесте франсуазе,
Просватанной давно.
Он лез с готовой фразой,
Что флирту, мол, конец,
Что завтра с франсуазой
Пойдет он под венец.
Но, влезши, сразу к месту
Прирос маркиз Гильом,
Застав свою невесту
С Жоржеттою вдвоем.
Но дело не в Жоржетте,
А вот в одной из поз,
Какою в целом свете
Прославился Лесбос.
Любовь многообразна,
Но важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как, не все ль равно?

18

В угоду моралистам
Прибавлю на финал,
Что бедный мой маркиз там
Жестоко пострадал.
Пылая жаждой мести,
Прокляв девиц и дам,
Копье свое из мести
Сломал он пополам.
Для всяческих проказ он
Потерян был с тех пор.
Так Богом был наказан
Маркиз де Рошефор!

Примечания

русская стихотворная сказка. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский Тегмонт

1 Слово, употребительное и поныне в губерниях. (Примеч. автора.)

2 Автор поэмы «Душенька». (Примеч. автора.)

3 См. Ядро Росс. истории кн. Хилкова. (Примеч. автора.)

4 Это мило? (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!